

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παρὰ λῖ πο μένων

Лев Гомолицкий
Сочинения
русского периода

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

Серебряный век. Паралипоменон

Лев Гомолицкий

**Сочинения русского периода.
Стихотворения и поэмы. Том I**

«Водолей»

2011

Гомолицкий Л. Н.

Сочинения русского периода. Стихотворения и поэмы. Том I /
Л. Н. Гомолицкий — «Водолей», 2011 — (Серебряный век.
Паралипоменон)

Межвоенный период творчества Льва Гомолицкого (1903-988), в последние десятилетия жизни приобретшего известность в качестве польского писателя и литературоведа-русиста, оставался практически неизвестным. Данное издание, опирающееся на архивные материалы, обнаруженные в Польше, Чехии, России, США и Израиле, раскрывает прежде остававшуюся в тени грань облика писателя – большой свод его сочинений, созданных в 1920–0-е годы на Волыни и в Варшаве, когда он был русским поэтом и становился центральной фигурой эмигрантской литературной жизни. Вступительная статья, представляющая не известные ранее документы и сведения о жизни Гомолицкого и анализирующая многочисленные критические выступления молодого поэта в столичной и провинциальной прессе, позволяет убедиться в том, что место Польши в истории литературы русского Зарубежья в 1930-е годы было сопоставимо с «русским Парижем» и «русской Прагой». Первый том содержит опубликованные и рукописные сборники и циклы стихотворных произведений Гомолицкого, ярко выявляя детали резкой эволюции поэтического сознания и литературной позиции автора на протяжении 1921–942 гг.

Содержание

Лев Гоголицкий и русская литературная жизнь в межвоенной Польше	7
I. В России и после России	8
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лев Гомолицкий

Сочинения русского периода.

Стихотворения и поэмы. Том I

Составители и издательство выражают глубокую благодарность Кафедре славистики, Отделению литератур, культур и языков и деканату Факультета гуманитарных и точных наук Стэнфордского университета за щедрую поддержку этого издания

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
И. Е. Будницкий (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
А. Гришин (США),
В. В. Емельянов (Россия),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
А. Б. Устинов (США),
Л. С. Флейшман (США)

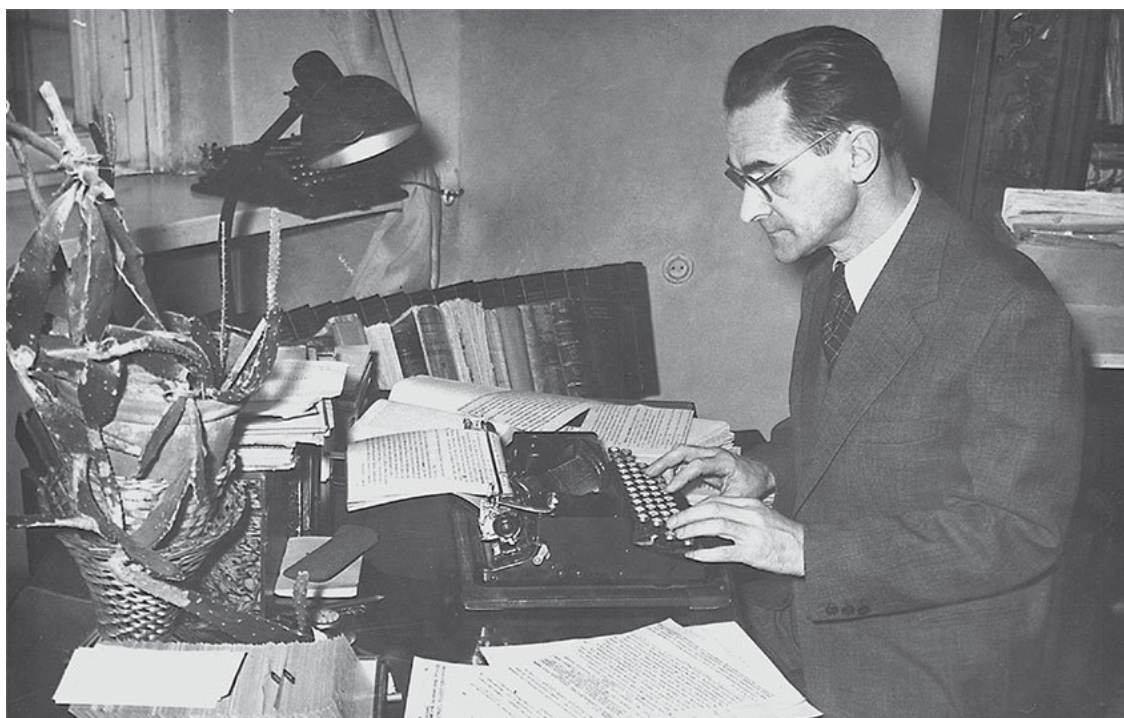
Издательство искренне благодарит *Юрия Сергеевича Коржа и Алексея Геннадьевича Малофеева* за поддержку настоящего издания

© Tadeusz Januszewski (Warszawa), тексты Л. Гомолицкого, 2011

© Л. Белошевская, П. Мицнер, Л. Флейшман, составление, подготовка текста, предисловие, примечания, 2011

© М. и Л. Орлушины, оформление, 2011

© Издательство «Водолей», оформление, 2011

Лев Гомолицкий и русская литературная жизнь в межвоенной Польше

Материалы, собранные в этом издании, приоткрывают новую и чрезвычайно богатую сторону в истории литературы русского Зарубежья. Они позволяют полнее представить русскую литературную жизнь межвоенной Польши в ее отношениях с главными центрами эмигрантской литературы. Они вводят в историко-литературный обиход поэтические тексты несомненного художественного своеобразия и интереса. Принадлежат они русскому поэту Льву Гомолицкому.

Такой поэт известен и не известен в истории русского Зарубежья. Привлекшие внимание в последнее время, его стихотворные книжки 1920–1930-х гг. кажутся написанными разными людьми – так сильно они разнятся и так трудно уловить и объяснить логику изменений поэтической манеры автора. Вышедшие ничтожными тиражами, эти издания составляют лишь незначительную часть сохранившегося большого рукописного наследия Гомолицкого, относящегося к ранним этапам его творческого пути. Место Льва Гомолицкого в русской литературе и печати в межвоенной Польше, вообще изученной намного меньше, чем культура русского Зарубежья в других странах и столицах (Берлин, Париж, Прага, Рига), не определено, отчасти потому, что творческая биография его являет собой цепь «метаморфоз», причем резкие сломы в ней были вызваны как внешними катаклизмами, выпавшими на долю его поколения, так и сугубо внутренними, чисто художественными причинами. События политической жизни поставили его на перекрестке культур, эпох и литературных систем. Литературная биография его распадается на два основных периода – русский (до конца Второй мировой войны) и польский (послевоенный), и их различие выражено двумя разными именами – Лев Гомолицкий и Leon Gomolicki. Внимательное изучение показывает, однако, что работа в русской и работа в польской литературе не были у него отгорожены друг от друга непроеходимой стеной, а наоборот, являли пример поразительного взаимопроникновения двух отдельных, самостоятельных традиций.

I. В России и после России

Национально-этническое самоопределение Гомолицкого в течение его жизни претерпело резкие сдвиги. Родился он 27 августа (9 сентября ст. ст.) 1903 года в Санкт-Петербурге в семье Николая Осиповича Гомолицкого. Отцу было тогда 36 лет. Николай Осипович вырос в Варшаве, закончил там реальную школу Бабиньского и, по рассказу поэта, обнаруживал склонности к литераторству¹. В отце маленький Лев видел человека молчаливого, «благородного, не ожидающего от судьбы никакой компенсации»². К моменту рождения единственного сына Николай Осипович был жандармским офицером, в чине капитана служившим в Главном тюремном управлении Министерства внутренних дел, в шестом делопроизводстве – отделе, ведавшем этапированием арестантов³. Устройство на службу состоялось, видимо, по рекомендации старшего брата Николая Осиповича – Льва Осиповича, много лет служившего в том же тюремном ведомстве, но в другом – 5-м (счетном) – делопроизводстве и достигшего тогда чина статского советника. В обязанности отдела, к которому принадлежал отец будущего поэта, входило «заведывание местами заключения гражданского ведомства, арестантскою пересыльною частью и воспитательно-исправительными заведениями. Расходование сумм, назначенных на содержание мест заключения. Распоряжение по тюремной части»⁴. В 1909 канцелярия выпустила составленную Николаем Осиповичем книгу⁵. К 1910 г. он продвинулся по службе, став младшим подполковником и числясь штабс-офицером при главном инспекторе по пересылке арестантов (к тому времени Управление перешло из Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции); брат его получил чин действительного статского советника⁶. Проживала семья – жена Гомолицкого Аделаида Степановна и малолетний сын – рядом с местом службы, в квартире по Греческому проспекту, дом 9. К началу войны (когда Лев Осипович, по видимому, умер) Николай Осипович, оставаясь на прежней должности и получив очередное повышение – чин подполковника, был в 1914 г. введен в Комиссию о новых железных дорогах⁷. Разразившаяся война нарушила нормальный ход его чиновничьей карьеры: Николай Гомолицкий, приближавшийся к пятидесятилетию, вызвался (по рассказу сына) в действующую армию и был назначен комендантом армейского железнодорожного узла в Лановцах на Волыни.

Дворянский род Гомолинских (Гомолицких) был старинного польского происхождения⁸. К одной из его ветвей (Гомолинские) принадлежали Станислав, католический епископ Каменецкий (1588–1592), Холмский (до 1600) и Луцкий (до 1604)⁹, пользовавшийся влиянием

¹ Leon Gomolicki. *Horoskop* (Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1981), str. 10.

² Leon Gomolicki. *Horoskop*, str. 14.

³ *Весь Петербург на 1907 г., Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга* (Издание А. С. Суворина, <1907>), ч. II, стр. 182. Ср.: *здесь же*, ч. I, стб. 369.

⁴ *Здесь же*, ч. I, стб. 368.

⁵ *Свод маршрутов и планов движения этапных партий. Сост. подполк. Гомолицкий* (С.-Петербург: Изд. Канцелярии Главного инспектора по пересылке арестантов, <1 октября 1909>).

⁶ *Весь Петербург на 1910 г., Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга*. (Издание А. С. Суворина, <1910>), ч. II, стр. 1218. *Здесь же*, ч. I, стб. 350; *Весь Петербург на 1912 г., Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга* (Издание А. С. Суворина, <1912>), ч. II, стр. 226; ч. I, стб. 368–369.

⁷ *Весь Петроград на 1915 г., Адресная и справочная книга г. Петрограда* (Издание Т-ва А. С. Суворина – «Новое Время», <1915>), ч. II, стр. 164.

⁸ *Herbarz polski Kaspra Niesieckiego S. J. powiększony dodatkami z późniejszych autorów, rękopismów, dowodów urzędowych i wydany przez Jana Nep. Bobrowicza*. Tom IV (W Lipsku: Breitkopf i Haertel, 1839; Warszawa, 1979), s. 181–183.

⁹ *Polska encyklopedia szlachecka*. Tom V (Warszawa: Wydawnictwo Kultury Historycznej, 1986), str. 327; *Encyklopedia Katolicka*. Tom V. *Fabbri – Górczyński* (Lublin, 1989), kol. 1282.

при королевском дворе в Кракове¹⁰ и принимавший участие, в качестве одного из представителей Ватикана, в Брестской унии¹¹, и Ян Павел (1655–1711), в 1698–1711 епископ киевский¹². Ветвь Гомолицких, восходящая к внуку основателя рода Леонтию, принадлежала к аристократической верхушке украинского казачества¹³. В XIX в. предки поэта совершенно обрусьи и служили в административно-бюрократической системе Российской Империи. Дед поэта Осип (Юзеф) шел по жандармской линии, был назначен начальником Цехановского (по-польски – Цеханувского) уезда¹⁴, дослужился до генеральского чина, жил после выхода в отставку в Варшаве и был похоронен там на православном кладбище в квартале Воля¹⁵.

Из тех же краев Царства Польского – из Плоцка – была семья матери, Зегжда. Но олицетворяли они собой диаметрально противоположный фланг польской общественности, и познакомилась мать поэта с будущим своим мужем в Пензе, куда ее деда сослали за участие в польском восстании 1863 года. Семья ее была большая – она была 8-м ребенком. В книге *Dzikie tuzi* (Дикие музы), написанной в 1967 и вышедшей в Польской Народной Республике в 1968 году, Леон Гомолицкий представил детали, освещающие героические эпизоды жизни семьи Зегжда¹⁶, связанные со своими дедом Станиславом и двоюродным прадедом – дядей Станиславом, адвокатом Войцехом Зегжда, который руководил конспиративной организацией борцов за польскую независимость в Плоцке и возглавил в ночь с 22 на 23 января 1863 года закончившуюся поражением атаку на караульное помещение русской армии. Перед лицом неминуемого ареста он покончил с собой. Самого же Станислава, участника молодежной подпольной организации, сослали вглубь России. Некоторые из этих деталей, однако, вступают в противоречие с содержанием первой главы писавшегося в начале Второй мировой войны и оставшегося неопубликованным романа в стихах «Совидец», где отец Адели изображен «полу»-рenegатом, отрестившимся от католичества и Польши (и за это проклятым своей матерью), но втайне сохранившим к ним привязанность и потому страдающим от вступления дочери в брак с «русским».

Как бы то ни было, в плане политических пристрастий между отцовской и материнской сторонами семьи будущего поэта изначально существовали глубокие различия. Они воплощали совершенно противоположные полюса «польского» сектора тогдашней русской жизни, но проявлялись и в области психологических отношений. О трещине в отношениях между родителями говорит одно из наиболее исповедальных произведений Гомолицкого «русского» периода – «Совидец». В более раннем автобиографическом высказывании Гомолицкий, говоря о том, как в его случае происходит «примирение моего духа с моим телом», «слиянность всего духовного и материального», добавлял сведения, которые еще больше усложняли картину: «Когда я думаю об этой истинной своей жизни, ощущаю в себе кровь предков моей матери – монголов. Нисходя в меня по лестнице поколений, они встретились с предками отца – первыми униатами. Боголюбцы с богоборцами. Мой родоначальник – участник Флорентий-

¹⁰ В. І. Уляновський. *Історія церкви та релігійної думки в Україні. У трьох книгах. Книга 2. Середина XV – кінець XVI століття* (Київ: Либідь, 1994), стр. 136.

¹¹ Oscar Halecki. *From Florence to Brest (1439–1596)* (Rome: Sacrum Poloniae Millenium, 1958), p. 337.

¹² Ludwik Grzebień. *Słownik jezuitów polskich 1564–1990. IV. Gm-Jar* (Kraków, 1993), str. 18; Teodor Żychliński. *Złota księga szlachty polskiej. Rocznik trzeci* (W Poznaniu: Jarosław Leitgeber, 1881), str. 179.

¹³ В. К. Лукомский, В. Л. Модзалевский. *Малороссийский гербовник*. С рисунками Егора Нарбута (С.-Петербург: Издание Черниговского дворянства, 1914; Київ: Либідь, 1993), стр. 34.

¹⁴ См.: *Przewodnik warszawski informacyjno-adresowy na rok 1869...* Ułożony i wydany przez Wiktora Dzierżanowskiego. Rok pierwszy (Warszawa, w drukarni S. Orgelbranda, 1869), str. 13; *Mazowsze północne w XIX–XX wieku. Materiały źródłowe, 1795–1956*. Zebrał i przygotował Janusz Szczepański. (Warszawa: Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych w Warszawie; Mazowieckie Tow. Kultury – Mazowiecki Ośrodek Badań Nauk. w Warszawie; Pułtusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna w Pułtusku, 1997), str. 196.

¹⁵ Бабка Льва по отцу – судя по рассказу в «Совидце» – принадлежала к знатному аристократическому роду, и дед ее, служивший в царствование Николая I при великом князе Константине, был «грозою Варшавы».

¹⁶ В официальных российских документах мать поэта звали не Адель Станиславовна, как у Гомолицкого в печатных воспоминаниях, а Аделаида Степановна. Имя Аделаида попадает и в некоторых его послевоенных анкетах.

ского собора»¹⁷. Не ясно, в какой мере различия затрагивали и сферу церковно-конфессиональную, но то обстоятельство, что имя поэту было выбрано в честь недавно скончавшегося папы Римского Льва XIII (1810 – 20 июля 1903), находившегося на ватиканском престоле четверть века¹⁸, свидетельствует, что для родных матери оставалась важной связь с католической церковью.

По воспоминаниям Гомолицкого, в семье наибольший интерес и любовь к литературе питала мать. Она «выросла в традициях большой литературы, облачая писателей в литургические одеяния. Они заменяли ей священников и вождей». Литературу современную, модернистскую, в особенности поэзию, она считала уродливым кошунством, несущим пустоту и разложение¹⁹. Она питала большую страсть к театру и в 16-летнем возрасте принимала участие в любительских постановках. Она играла, в частности, Лизу в «Горе от ума» Грибоедова в спектакле в Пензе, в котором в роли Фамусова выступил якобы Мейерхольд²⁰. Аделаида Степановна до женитьбы занималась живописью в Москве в частной студии С. Ю. Жуковского, и ее работы (как вспоминал сын, по характеру приближавшиеся к китчу) заполняли их петербургскую квартиру. Она также лепила из глины, играла на фортепиано²¹.

Сильнейшим увлечением Льва Николаевича в раннем детстве была античность. Он рассказывал: «поначалу я воспринимал лишь то, что могло тронуть детскую выдумку и изобретательность, что заключало в себе первоэлементы необычности, фантастики, тайны, – мир мифологических богов. Благодаря матери я рано познакомился с основами астрономии. У меня имелся собственный телескоп и большая карта неба. Оно было и мифологическим небом. Зато литература для детей и молодежи меня не интересовала»²². В «Совидце» он рассказывал, как рос «фантастическим ребенком», младенцем, целиком погруженным в мир фантазии. Не только искусство покоряло воображение Гомолицкого в ту пору. «В моей детской повесили над миниатюрным письменным столиком новинку той эпохи – светильник Эдисона с электрической лампочкой накаливания»²³. В возрасте десяти лет он соорудил межпланетный корабль, замислив путешествие на Марс. В газетных своих статьях 1930-х годов Гомолицкий не раз обращался к темам научных открытий и технических изобретений²⁴.

Регулярно писать стихи Лев Гомолицкий стал в двенадцатилетнем возрасте.

Школьная общая тетрадь с моими первыми опытами. Помню ее. Она разделила участь других школьных тетрадок. В ней содержалось пять трагедий из истории Литвы – живое участие в действии там принимали славянские

¹⁷ «Эмигрантские писатели о себе. Л. Н. Гомолицкий», газ. *Молва* (Варшава), 1934, 6 января, стр. 3.

¹⁸ В письме к А. Л. Бему от 7 июня 1926 года Гомолицкий сообщал: «Зовут меня так же, как гр. Толстого – Лев Николаевич. Но это дело случая – меня хотели назвать иначе – Борисом. Говорят, здесь есть некая таинственная связь с умершим тогда Львом XIII». Семья деда по отцовской линии была православной.

¹⁹ Leon Gomolicki. *Horoskop*, str. 10–11. Гомолицкий уверял при этом, что семья матери находилась в свойстве с Александром Блоком. В другом месте он говорил о запутанных узах крови и с Николаем Лесковым. Но сведения эти не поддаются проверке и подтверждению. О своих «семейных», «домашних» связях с русской литературой Гомолицкий вспомнил тогда, когда старался уверить других, что, будучи поляком, он по-русски говорить не умеет.

²⁰ Leon Gomolicki, «Dzikie muzy», *Proza*. 2 (Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, <1977>), str. 268. В «Совидце» ни слова об участии в спектакле Мейерхольда не говорится, зато упоминается брат матери, студент-нигилист дядя Саша.

²¹ Leon Gomolicki, «Dzikie muzy», str. 286–287. Работы ее позже, в 1920-е–1930-е годы, выставлялись на благотворительных аукционах. См.: С. Витязевский, «Русские в г. Остроге (Корреспонденция)», *Русский Голос* (Львов), 1931, 29 марта, стр. 4. Она принимала участие в оформлении театрально-хореографических постановок, устраивавшихся на вечерах Русского Благотворительного Общества в Остроге. См.: Н., «Острог на Волыни», *За Свободу!*, 1931, 11 августа, стр. 4. «Провинция».

²² «W stronę humanizmu (Z Leonem Gomolickim rozmawia Jerzy Rzymowski)», *Odgłosy*, 1979, № 42, 21 października, str. 1. В «Диких музах» упоминается чтение (по-французски) книги К. Фламариона «Урания». См.: Leon Gomolicki. «Dzikie muzy», str. 289.

²³ Leon Gomolicki. *Terapia przestrzenna*. (Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, <1983>), str. 96.

²⁴ Л.Г., «Осуществление мечты. Действительность опередила утопию», *Молва*, 1933, 17 октября, стр. 4 (об изобретении телевидения); Н., «Маркони», *Меч*, 1937, 1 августа, стр. 5 и др.

божества. Я был тогда худошавым, болезненным подростком. И каждую минуту должен был что-нибудь записывать. Меня преследовали все новые и новые фразы. Я их слышал или видел ночью, во сне – просыпался и записывал. Вскакивал во время обеда. Как-то раз я очутился вне дома без карандаша. Отец взял меня на охоту. Я ужасно мучился. Нашел тропинку и писал на ней палочкой – мне казалось, что таким способом я смогу лучше запомнить. Однако этого оказалось до ужаса много – лавина, потоп, взрыв идей. Отец какое-то время наблюдал за мной исподтишка. А потом долго досаждал: – Ты писал на песке!

По существу я и впрямь *писал на песке*. Вслед за трагедиями – эпические поэмы. Начал я и роман, в котором собирался фиксировать самые мелкие и незначительные происшествия одного дня. Но дольше всего – стихи²⁵.

С этим свидетельством перекликается признание в автобиографической поэме 1934 г. «Варшава», где состояние поэтического транса, наваждение, овладевающее автором, иллюстрируются эпизодом, отнесенным к Царскому Селу в детстве:

Гляжу, как, соблазняя, нимфу
бог манит каменной лозой,
и старомодным роем рифмы
овладевают вдруг душой.
И, одержимый их звучаньем,
расстаться с ними не хочу,
их бормочу, как причитанья,
их пальцем на песке черчу.

Осенью 1916 года Лев с матерью присоединились к отцу, находившемуся в прифронтовой полосе на Волыни и служившему комендантом армейского железнодорожного узла в Лановцах. Семье пришлось вместе с воинскими частями передвигаться с места на место – Лановцы, Шумск (октябрь 1916), Новостав, Острог. В Лановцах мальчика застала Февральская революция. Нараставшую со всех сторон анархию, безудержно протекавший развал империи он наблюдал в Киеве, куда приехал с матерью на лето. Снимали они квартиру на Софийской площади. В июне была провозглашена национальная автономия Украины, и такими подростку запомнились те недели: «Киев был тогда городом вырвавшихся человеческих ульев – весь облепленный толпами. На площади, рассматриваемой с балкона, – мелкие, подвижные черные мурашки. Кого-то убегающего догоняет толпа, воет скорая помощь – самосуд. Большинство магазинов – с опущенными жалюзи»²⁶. Там он стал читать Тургенева и брать уроки английского языка. Описание пережитого в период развала родного государства содержится в полуавтобиографической книге Гомолицкого «Гороскоп»²⁷ и в русском рассказе «В такие дни...», напечатанном в газете под псевдонимом, где отец изображен бесстрашным, не теряющим невозмутимости и самообладания человеком, проявившим большую внутреннюю силу в столкновении с людской толпой во фронтовой полосе, готовым пресекать попытки эксцессов против евреев²⁸. Мать с сыном вернулись в Лановцы осенью 1917 года, а затем вместе с отцом переехали в Шумск. Армия распадалась, был взят курс на украинизацию частей Юго-Западного фронта, отменены воинские звания и отличия, и регулярную армию повсеместно сменяли

²⁵ Leon Gomolicki, «Kiermasz», *Proza*. 1, str. 41.

²⁶ Leon Gomolicki. *Horoskop*, str. 31.

²⁷ Leon Gomolicki. *Horoskop*, str. 21–39.

²⁸ Г. Николаев, «В такие дни...», *Меч*, 1938, 24 апреля, стр. 5–6.

отряды «народной милиции». Подполковнику Н. О. Гомолицкому пришлось переключиться на гражданскую жизнь, подыскивая временные и случайные работы. Когда они были в Шумске, пришла весть об Октябрьском большевистском перевороте в российских столицах. Украинская Центральная Рада провозгласила создание Украинской Народной республики сперва в составе России, а в январе 1918, после разгона Учредительного собрания в Петрограде, объявила о полной независимости украинского государства. Растущая угроза советской агрессии побудила Центральную Раду подписать в Брест-Литовске мирный договор с Германией (до того как на такой договор пошли большевики), по которому германские войска заняли территорию Украины, взяв новое государство под свою защиту.

К этому времени кочевой жизни Гомолицких приходил, казалось, конец – в поисках большей стабильности быта они обосновались в Остроге. Тихий захолустный город продолжал жить своей собственной жизнью предреволюционного, николаевского времени, не нарушаемой даже подъемом энтузиазма, вызванного у обывателей революционными новостями. Сергей Рафальский, бывший на несколько лет старше Гомолицкого, вспоминал о появлении в те дни новой молодежной организации – ОСУ-ВУЗа – Острожского Союза Учащихся Высших Учебных Заведений, о возникновении клуба при нем, о первой выставке местных художников, о концертно-танцевальном и драматическом кружке, где поставлены были пьесы Островского и Фонвизина. Как сообщает Рафальский, ОСУВУЗ издал даже свой литературно-художественный журнал *Богема* (вышел один лишь номер): «Он был на уровне более высоком, чем “выставка”, и откровенно декадентствовал, что весьма увлекало часть молодежи»²⁹. Насколько точно это указание, не известно, поскольку обнаружить острожский журнал под таким названием, несмотря на поиски в разных странах, не удалось. Зато сохранилась другая книга: *Молодые силы. Альманах Клуба Учащейся молодежи*, в редакционной комиссии которой были два лица – С. Рафальский и М. Гаськевич³⁰. Вышла книга летом 1917 г. и состоит целиком из анонимных и псевдонимных публикаций. Единственным исключением является стихотворение «У подножия» гимназиста П. Юрьева, впоследствии поэта и журналиста, приобретшего известность под псевдонимом Семен Витязевский.

В этом маленьком городке на Волыни сомкнулись вековые традиции нескольких культур, и каждый камень, казалось, рассказывал о 800-летней истории края. Упомянутый впервые в летописи под 1100 годом, Острог гордился тем, что при князе Константине Острожском стал крупнейшим центром европейской образованности, средоточием философской и богословской мысли³¹. Он был тогда главным оплотом православия в Литовской Руси. Прибывший сюда из Львова Иван Федоров, при щедрой поддержке князя Константина и в его замке, основал в 1578–79 г. свою последнюю типографию, где, в частности, в 1580–81 г. вышла знаменитая Острожская Библия – первая полная восточнославянская Библия³². В 1602 г. в городе появился Гришка Отрепьев, в 1605 г. взошедший на московский престол, а в 1606 г. низвергнутый и убитый. Сгущенное, осязаемое присутствие прошлого заставляло проецировать разворачива-

²⁹ Сергей Рафальский, «Что было и чего не было», *Русская Мысль*, 1980, 23 октября, стр. 12; Сергей Рафальский. *Что было и чего не было. Вместо воспоминаний*. Вступительная статья Бориса Филиппова (London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1984), стр. 62–63.

³⁰ *Молодые силы. Альманах Клуба учащейся Молодежи*. Выходит по мере накопления материала. Острог: тип. Ц. Шейнеберг, 1917 г. Шифр музейного экземпляра: м. Острог. Краєзнавчий Музей. кн – 4010, VI – к – 648. Скорее всего, справка Рафальского о *Богеме* была ошибочной.

³¹ Об Остроге как центре философской, научной и богословской мысли в XVI–XVII вв. см.: В. М. Нічик, В. Д. Литвинов, Я. М. Стратій. *Гуманістичні і реформаційні ідеї на Україні* (Київ: Наукова думка, 1990); Петро Саух. *Князь Василь-Костянтин Острозький* (Рівне: Волинські обереги, 2002), стр. 73–113.

³² Василь Мончак, «Сподвижник Костянтина Острозького першодрукар Іван Федоров на Волині», *Острозіана в Україні і Європі. Матеріали Міжнародного наукового симпозіуму 29–30 червня* (Старокостянтинів, 2001) (*Велика Волинь*. т. 23), стр. 33–48; Іван Огієнко (митрополит Іларіон). *Історія українського друкарства*. Упорядник, автор передмови Микола Тимошик (Київ: Наша культура і наука, 2007), стр. 230–260; Е. Л. Немировский. *Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров* (Москва: Книга, 1974), стр. 83–151.

ящуюся государственную «смуту» на трагические события ушедших веков, искать ей аналогии в них. Явственно проступала, под крылом вечности, эфемерность политических настроений и образований, изменчивость форм политического существования. Но и по-новому – по сравнению со столичными петербургскими воспоминаниями детства – проявлялась судьба и природа русской культуры, получая иную окраску в «захолустье», во-первых, и в «пограничье» (как во временном, так и в пространственном срезе), во-вторых.

Великороссов в начале XX в. в Остроге, да и в других близлежащих городах, было сравнительно немного, но русская культура находила отклик со стороны еврейского населения, в ту пору тяготевшего к ней сильнее, чем к культуре польской или украинской. Край был «чертой оседлости»; по переписи 1921 года в Остроге, насчитывавшем 12.975 жителей, было 7.991 евреев (61,6 %), в Ровно – из 30.483 – 21.702 евреев, в Луцке из 22.157 – 14.860³³. Еврейская община существовала тут с первой половины XV века и стала крупным культурным центром еврейской культуры, создав из Острога «Волынский Иерусалим». В руках жителей-евреев сосредоточены были торговля и ремесла³⁴; интеллигенция была представлена большим числом врачей, адвокатов, учителей и инженеров. Типография Ц. Шейнеберга выпускала книги и газету (на языке идиш)³⁵.

Гомолицкий, как он сам говорил, начал писать стихи более или менее регулярно в возрасте 12 лет – то есть в 1915-16 году в Петербурге, но один из приливов того поэтического «наводнения» пришелся на первые месяцы «оседлой» жизни на Волыни в 1918 году. Судить об этом мы можем по первой выпущенной им книжке, вышедшей в Остроге летом 1918 года, когда автору не исполнилось еще и 15 лет. Название ее отличалось нарочитой безыскусностью, а также не вполне соответствующей возрасту новичка почтительностью: «Стихотворения Льва Николаевича Гомолицкого. 1916–1918. Книга первая». Хотя подзаголовок давал понять, что продолжение не заставит себя ждать, оно так и не последовало. Более того – ни сборник в целом, ни отдельные составляющие его произведения не получили у Гомолицкого впоследствии не только какого-либо развития, но и малейшего отзвука. Ни мотивы его, ни стилистические черты больше в его творчестве не появлялись. На протяжении всего «русского» двадцатилетия он не был ни разу упомянут ни в публичных высказываниях Гомолицкого, ни в частной переписке. Как бы из стыда автор наложил полное табу на свой дебют в печати. Но это и придает книжке серьезную историко-документальную ценность. Если бы не было дальнейшего творческого пути Гомолицкого в русской литературе, во всей его сложности и со всеми его резкими зигзагами, – книжка не заслуживала бы ни малейшего внимания, не выделяясь на фоне ученических, графоманских стихотворных упражнений, печатавшихся в те годы. Интерес представляют не имманентные ее качества сами по себе, а то обстоятельство, что эти черты впоследствии бесследно исчезают из творческого мира автора.

Удивляет, во-первых, присутствие большого числа стихотворных переложений и реминисценций: из Гёте, Гейне, Уланда, Шевченко, «Волшебного рога мальчика», – и вообще предпочтение «иноземности» в выборе сюжетов и имен действующих лиц. С этим связаны и экзотические «балладные» темы, приуроченные к западному средневековью, древней Руси, среднеазиатскому эпосу. С одной стороны, это указывает на «несамостоятельность», «книжность», зависимость от образца при облюбовывании темы; с другой – на непреодолимое жела-

³³ См.: Shmuel Spector. *The Holocaust of Volhynian Jews 1941–1944* (Jerusalem: Yad Vashem; The Federation of Volhynian Jews, 1990), p. 13; Р. С. Шпізель, «Роль еврейской общины древнего Острога в развитии культуры и экономики края», *Матеріали V науково-краєзнавчої конференції «Остріг на порозі 900-річчя»* (Остріг, 1994), стр. 179.

³⁴ Рафаэль Шпізель, «Город Острог – крупнейший центр еврейской культуры на Волыни», *Єврейська історія та культура в Україні. Матеріали конференції. Київ 2–5 вересня 1996* (Київ, 1997), стр. 238–241.

³⁵ Рафаэль Шпізель, «Страдания и обнищание евреев Острога в 20-х годах XX столетия и помощь “Джойнта”», *Доля єврейських громад Центральної та Східної Європи в першій половині XX століття. Збірник наукових праць. Матеріали конференції 26–28 серпня 2003 р.* (Київ, 2004), стр. 241–242.

ние «посоревноваться» с источником, магическое его действие на подростка, не способного сопротивляться рождающейся собственной стихотворной версии прочитанного. При поразительном эклектизме (отражающем незаурядную по широте для подростка начитанность), не сложившемся еще стилистическом вкусе и отсутствии собственного лица, сборник тем не менее позволяет выдвинуть предположение о том периоде русской поэзии, к которому сильнее всего тяготел и продукция которого инстинктивно подражал подросток. Это не Пушкин, но массовая эпигонская поэзия 1810-1820-х годов с ее стертыми, «гладкими» поэтическими формулами и устойчивыми, штампованными тропами. Кажется, Лев Гомолицкий тогда даже не подозревал, как сметена она была Пушкиным, Баратынским, Тютчевым, зрелым Лермонтовым. Из истории русской поэзии для него совершенно выпадает не только модернизм (от «декадентов» 1890-х годов до Блока, не говоря уже об «акмеистах» или «футуристах»), но и архаистическая линия, с XVIII столетия начиная. А по отношению к середине XIX века – нет никаких симптомов знакомства с Некрасовым, с одной стороны, и Фетом, с другой.

Но замечательно, что при этом книга в целом вовсе не кажется сплошь монотонной. Напротив, ни один из позднейших сборников Гомолицкого (рукописных или опубликованных) не являет столь пестрого разнообразия попыток воспроизведения историко-культурного «местного колорита» (*couleur local*), как здесь. Разнообразие историко-этнографического материала в руках подростка изумляет – здесь и германский фольклор, преломленный сквозь немецкую романтическую традицию, и летописно-древнерусский стиль, и попытки передачи «восточного» («сартского») мышления – при том, что юный поэт последовательно пробует нащупать адекватные лексико-стилистические средства для передачи таких особенностей. За всеми этими экспериментами, или масками, оказываются совершенно неуловимыми непосредственно-личные черты автора. В сборнике скорее упражнения и эксперименты, чем лирические излияния, даже в том случае («роман в стихах»!)³⁶, где можно заподозрить отражение каких-то действительных или воображаемых происшествий в жизни самого автора. Наличие «диалога» и «ролевых реплик» в стихотворениях – еще одно проявление принципиальной «объективности», «отчужденности» избранного автором стилистического облика, «не-лирического» характера его поэтических увлечений. Другая специфическая черта сборника – чрезвычайно широкий спектр метрических форм, включая попытку «античного размера» в первом куске «Трилогии жизни», имитации «народного» размера (двухстопный пентон в «Мстиславе Смелом»), использование полиметрической композиции в длинных текстах.

Ознакомление с книгой подводит к предположению, что Гомолицкий-поэт на этой начальной стадии еще не открыл для себя потребности «отделки», необходимости тщательной работы. Им, казалось, двигал непосредственный рефлекс: как вылилось на страницу – сразу в типографию! Это было обратной стороной того «наводнения», того состояния наваждения складывавшимися стихами, в котором он находился. Поэтому, при господствующей тенденции к объективизации и стилизации и отказе от сколь-нибудь «субъективного» лиризма, сборник представляет собой своего рода «дневник» интеллектуальных и художественных увлечений, захлестнувших подростка. В нем начисто отсутствует развертывавшаяся «революция», происходивший перед глазами подростка «катаклизм». Сборник кажется герметически изолированным от бурь современной действительности – она вытеснена «культурой» и «историей культуры».

За одним, впрочем, исключением: это было последнее стихотворение первого раздела, названное «Посвящается труженикам типографии Ц. Шейнерберг». Проставленная под ним дата – 31 мая 1918 – является самой поздней из всех приведенных в книге, и содержание этого стихотворения позволяет заключить, что оно было написано, когда весь остальной материал сборника уже находился в работе в типографии. Юного автора завораживал, очевидно, самый

³⁶ Завершил свой «русский» период в 1940-х годах Гомолицкий обращением опять-таки к «роману в стихах» – «Совидец».

процесс печатания книги. К восторгу, испытываемому от ожиданий скорого выхода в свет, присоединялся восторг по поводу чуда типографского процесса, чуда возникновения книги. Благоговейное отношение к печатному делу Гомолицкий пронес сквозь всю жизнь. Он преклонялся равно перед мастерством типографа и искусством книги рукописной. Чем дальше, тем больше представление о поэзии у него стало отождествляться не с массовым производством, а с «библиофильским» изданием, с рукописной и литографированной книгой, воспроизводящей авторскую «каллиграфию» и украшенную авторскими заставками. С 1934 года он стал выступать в печатном деле как художник-оформитель. А пока – включенное в сборник в последний момент стихотворение рождено было чувством восхищения безымянными работниками типографии:

Поэт творения свои
К станку могучему слагает,
Чтоб разделил небесный труд
(Плод мук душевных и мечтаний)
Он волшебством проворных рук,
Путем труда, путем страданий.
Когда же кончен труд, тогда
Поэт мозолистую руку
От сердца жмет: питомец муки
Питомцу тяжкого труда.

По иронии судьбы, это благодарственное стихотворение вызвало конфликт с низкой действительностью, о котором автор впервые поведал много позже – в послевоенной Польше. Оказалось, что оно повлекло за собой донос против начинающего автора, обвиненного в сочувствии к большевикам. И в самом деле, революционные настроения были широко распространены среди еврейского населения, образовывавшего большинство в городе, и должны были затронуть типографских работников, мозолистую руку которых пожимал подросток в своем стихотворении. Можно полагать, что ссылка на этот неприятный эпизод из далекого прошлого понадобилась Гомолицкому тогда, когда в социалистической Польше в конце 1940-х годов над ним стали собираться тучи и негативную о себе информацию в досье компетентных органов надлежало уравновесить позитивной. Из-за необходимости сослаться на это стихотворение, он должен был «рассекретить» свой дебют 1918 года, о котором прежде по художественным причинам предпочитал не вспоминать, и признал факт выхода раннего сборника, становившегося своего рода «охранной грамотой» в новых исторических условиях. Несмотря на то, что никто этой острожской книги не видел – в библиотеках ее не было, а авторский экземпляр погиб в войну вместе с архивом автора, – справка о ней впервые появилась, со слов Гомолицкого, в 1963 г., притом в такой форме, что можно было подумать, будто стихотворный этот сборник вышел на польском языке³⁷. Сам он в конце жизни вспоминал:

Мне было тогда всего лишь пятнадцать лет. Возраст по сути дела мальчишеский, а меня уже клеймили прозвищем смутьяна-большевика. В качестве вещественного доказательства усердный информатор прицепил вырезанный из книги стишок, посвященный самоотверженной и неблагодарной работе печатников. И в самом деле, стишок подлинный. Книга была издана за счет средств моего отца, который сильно переоценивал значение моих детских воодушевленных порывов к стихоплетству. <...>

³⁷ *Słownik współczesnych pisarzy polskich*. Opracował zespół pod redakcją Ewy Korzeniewskiej. Tom 1. A-I (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1963), str. 576.

Стихотворная благодарность самоотверженным печатникам возникла уже в период набора книги. Я ходил в типографию и наблюдал за работой наборщиков. За тем, каким образом они движениями рук, вычерчивающих в воздухе воображаемые эллипсы, соединяют букву за буквой литеры, выбираемые из наборной кассы, в то время как пол под их ногами движется от сотрясений скрытого в подвалах печатного ада. Под впечатлением этих непривычных для меня контактов и возникло мое первое подлинно лирическое стихотворение, которое я прибавил к моим рифмованным школярским работам. Что вот поэт, мол, творит, но только труд этих скромных людей... – словом, что если б не они, то произведение исчезло бы в пучине забвения. Ад страданий и тяжкая, кропотливая работа – вот прочный оплот того, что возвышенно. У отца потом спрашивали, а не большевик ли его сын. Во времена гетмана Скоропадского это звучало грозно и опасно. Только вот времена эти продолжались недолго. Я видел отступающие немецкие мундиры. И как их солдаты срывали знаки различия у своих офицеров³⁸.

Опасность выдвинутого против 15-летнего «Льва Николаевича Гомолицкого» обвинения вытекала из того, что книга его вышла в момент смены власти. 29 апреля 1918 г. Центральная Рада пала, Украинскую народную республику сменила, при поддержке германских войск, «Українська держава» во главе с гетманом П. П. Скоропадским, генерал-лейтенантом царской армии, в котором современники видели залог реставрации старого, монархического порядка в противовес хаосу, порождаемому безвластием³⁹ и наступлением большевиков, взявших под свой контроль большую часть Украины.

Новая власть (пусть и опиравшаяся на штыки австро-германских оккупантов, недавно бывших заклятыми врагами России) могла бы, при тогдашнем раскладе политических сил, вызывать наибольшее сочувствие родителей поэта, с их ностальгией по прошлой жизни. Однако возлагавшихся на него надежд гетманат не оправдал. В ноябре 1918, с запозданием на год после Российской, рухнули еще две монархии – Австро-Венгрия и Германия. На обломках трех империй кругом возникали новые государства. Сравнительно недалеко от Острога, хотя и по другую сторону довоенной государственной границы, – во Львове было провозглашено еще одно украинское государство, Западноукраинская народная республика. В ответ польское население города подняло мятеж и захватило город, и предсказать исход вспыхнувшего конфликта было невозможно. В Киеве гетман Скоропадский, вступив в союз с донским атаманом П. Н. Красновым, обнародовал «Грамоту о восстановлении России», за что быстро поплатился потерей поста. Власть на этой территории Украины перешла к созданной 13 ноября Директории, провозгласившей восстановление Украинской народной республики. Ее вооруженные силы, возглавленные Петлюрой, 14 декабря заняли Киев. 22 января Директория объявила об объединении Украинской Народной республики и Западноукраинской народной республики в единое украинское государство. Но уже спустя десять дней, 2 февраля правительство, под напором наступающих советских войск, бежало из Киева и вынуждено было вести жизнь на колесах, пока в апреле лидеры Директории, Винниченко и Грушевский, не покинули страну и Украинская народная республика ушла в небытие. Власть Петлюры практически была ограничена Ровно и округой (к которой принадлежит и Острог). Тем временем на карте появилась новая крупная политическая сила, влиявшая на судьбу всего этого региона. Только что освобожденный из тюрьмы Иосиф (Юзеф) Пилсудский, прибыв в Варшаву, провозгласил 16 ноября создание нового, независимого Польского государства. Предъявляя права на утраченные в

³⁸ Leon Gomolicki. *Horoskop*, str. 9-10.

³⁹ Ср. описание его в рассказе: Лев Гомолицкий. «Из цикла Революции. Сказание о деревне и усадьбе», *Утро* (Вильно), 1928, 10 июня, стр. 3.

XVIII веке польские земли и считая, что РСФСР, втянутая в гражданскую войну с белыми армиями, обречена на скорую гибель, он стремился к созданию польской державы, которая в союзе с новыми государственными образованиями, возникавшими на окраинах бывшей Российской империи, стала бы решающей политической силой в Европе.

С каждым днем всё меньше было ясности, в какой же стране окажется в ближайшее время семья Гомолицких. Они сидели на чемоданах, ожидая падения большевистского режима в России и возвращения домой в Петроград. Средства на существование приносила продажа семейных драгоценностей. Жизнь протекала в условиях безвластия, нарушаемая краткими налетами различных банд, отбиваемых отрядами самообороны местной молодежи. Как вспоминал С. М. Рафальский, присутствие на Волыни петлюровских подразделений в тот период не ощущалось в повседневной действительности города. 1919 год на большей части Украины прошел, главным образом, в ожесточенной борьбе деникинской Добровольческой армии, выступавшей под лозунгами «единой, неделимой России», с вооруженными силами большевиков. Красные в первый раз вошли в город 1 мая 1919 года (первая советская украинская бригада Щорса), но отступили уже спустя три с половиной месяца под натиском польских войск (занявших Ровно 13 августа и установивших военную администрацию). Резко изменилось положение, когда 25 апреля 1920 вспыхнула советско-польская война. Спустя два месяца по Волыни прошли на Варшаву объединения Красной армии, преследовавшие отступавшие польские войска и их союзников – петлюровские части. Два события в городе оставили особенно глубокий отпечаток на сознании поэта. Одним был еврейский погром. Как сообщает историк, Летом 1920 года в Острог ворвались две роты солдат и большое количество вооруженных жителей окрестных сел и начали грабить и убивать евреев. В городе началась паника: 54 человека были убиты, в том числе – 8 детей. Большая часть жителей спряталась в большой синагоге, надеясь на защиту ее толстых стен. Погромщики совместно с солдатами окружили плотным кольцом синагогу, но ворваться внутрь им не удалось. Они потребовали выдать им для расправы 150 знатных граждан города и большой денежный выкуп – как условие снятия осады. Не получив удовлетворения своих требований, они привезли две пушки и пригрозили убить всех спасавшихся в синагоге. Но в бушующей толпе погромщиков появились трое вооруженных мужчин и потребовали немедленно разойтись и освободить заложников из синагоги. Старший назвался Иннокентием Главацким, другом С. Петлюры, который по телефону направил его снять осаду. В случае отказа подчиниться приказу Петлюры И. Главацкий и его друзья покончат с собою, а главари банд и солдаты за их смерть получают заслуженную кару от самого Петлюры. Внезапное появление этой тройки, их решительность возымели свое действие, и толпа медленно стала расходиться, оставив на всякий случай пушки возле синагоги. Так спрятавшиеся в синагоге евреи были спасены. Когда они вернулись домой, вся земля была покрыта, как белым снегом, пухом из разорванных подушек. Все, что можно было увезти или унести из домов, было увезено. Оставшуюся мебель поломали. Во многих домах были повреждены стены и сорваны доски с полов. Это было связано с мифом, что евреи все свои деньги и ценности прячут в подушках, в стенах или под полами.

Большинство жителей города остались без крова и без средств к существованию⁴⁰.

Вторым драматическим событием было новое появление в городе советских войск. Вечером 3 июля 1920 г. две дивизии 1-й Конной армии С. М. Буденного, форсировав Горынь, ворвались после боя с поляками в Острог. На следующий день они взяли и Ровно. Это были сражения, сыгравшие решающую роль в советско-польской войне. Фронт приближался к границам

⁴⁰ Рафаэль Шпизель, «Страдания и обнищание евреев Острога в 20-х годах XX столетия и помощь “Джойнта”», *Доля еврейских громад...*, стр. 243. Ср. описание еврейского погрома в рассказе Гомолицкого «Смерть бога», *Меч. Еженедельник*, 1934, № 15–16, 19 августа, стр. 14–18.

Польша. 7-го июля 18-й пехотная польская дивизия генерала Ф. Крайовского совершила атаку на бригаду Буденновской армии, расположившуюся в Остроге, и выбила ее из города, но 10 июля Конная армия вместе с 45-й стрелковой дивизией снова заняла район⁴¹. О чисто «зрительных» впечатлениях от прихода конармии Буденного имеется позднейшая запись Гомолицкого (в архиве Тадеуша Янушевского): «Шла она три дня и три ночи без отдыха. Сыпался на булыжную мостовую топот несметных копыт, красная краска стекала со спин солдат на крупы лошадей и ниже, вплоть до самой земли, словно плащи средневековых рыцарей. Небольшой автомобильчик обгонял и разворачивался, и снова обгонял. В автомобиле сидел сам Командарм со своим адъютантом. Я стоял в саду, цепляясь за забор, и автомашина проехала в трех шагах от меня. Той ночью он остановился в доме рядом с нашим». Беглые упоминания о тех днях встречаются в сочинениях «русского периода» – от «Взятия города» до «Совидца», – причем соединяются они со сценами казней, потрясших подростка. Наряду с расстрелами происходили и «почти-расстрелы» – в те же дни чуть не расстреляли местного священника Милия Рафальского⁴². Хотя события тех недель не задели семью Гомолицких непосредственно, жандармскому подполковнику царской России, «тюремщику» Н. О. Гомолицкому будущее в Остроге под советской властью не сулило радужных перспектив. Мы не располагаем сведениями о том, когда именно семья отправилась в Варшаву, но произошло это после «чуда на Висле», когда, казалось бы, в совершенно безнадежной ситуации польские войска перешли в контрнаступление 16 августа, наголову разбили Красную и развернули наступление на всех фронтах. Мирные переговоры, начавшиеся в Минске уже 17 августа, были после перерыва возобновлены 21 сентября в Риге, а военные действия полностью прекратились 18 октября⁴³. Район Ровно был занят польскими войсками 18 сентября 1920 года, и Гомолицкие отправились в польскую столицу, очевидно, сразу после этого. Поскольку Волынь не относилась к тем территориям, которые отнесены были к Польше по Версальскому договору, надо было спешить: не известно было, как будет решен вопрос этот в советско-польских переговорах и не отойдет ли она к Украинской советской республике.

Так началась варшавская «интерлюдия» в юности Гомолицкого. По различным причинам он в послевоенный период о ней умолчал, признав лишь несколько кратких посещений Варшавы, связанных будто бы с желанием отца побродить по местам своей молодости и поискать службу. На деле Гомолицкие рассчитывали там осесть, потеряв надежду на скорое возвращение в Петроград. Мальчик поступил в русскую гимназию, и одним из его учителей был знаменитый русский радиоинженер и видный деятель русского школьного дела за рубежом профессор Д. М. Сокольников⁴⁴. Не ясно, однако, пробыл Гомолицкий в Варшаве лишь один (1920/21) или, скорее, два (также 1921/22) учебных года⁴⁵ и какие классы (по-видимому, пятый или, если два года, четвертый и пятый) закончил⁴⁶.

⁴¹ См.: Н. Какурин, В. Меликов. *Гражданская война в России: война с белополяками* (Москва: АСТ, 2002), стр. 263–278; Janusz Odziemkowski. *Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919–1920* (Warszawa: Rytm, 2004), str. 301–302.

⁴² Об этом в воспоминаниях сообщает его сын. См.: Сергей Рафальский, «Что было и чего не было». *Русская Мысль*, 1981, 19 ноября, стр. 12; Сергей Рафальский. *Что было и чего не было. Вместо воспоминаний* (London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1984), стр. 84–88.

⁴³ *Польско-советская война. 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы)*. Сборник подготовили И. И. Костюшко, М. Н. Черных при участии В. Н. Савченко. Часть I (Москва: Институт славяноведения и балканистики, 1994), стр. 17.

⁴⁴ «К нам недавно в Острог заезжал пр. Сокольников, мой бывший учитель по Варшавской гимназии», – сообщал Гомолицкий в письме к Бему от 27 декабря 1926.

⁴⁵ Сокольников в Варшаву прибыл в 1920 году, но мы не знаем, с этого или со следующего, 1921 года он начал преподавать в русской гимназии.

⁴⁶ В Петербурге, поступив в 1913 году десяти лет отроду, Лев успел пройти три первых класса, а в волынский период до переезда в Варшаву продолжал обучение дома.

Вопрос о продолжительности пребывания Гомолицкого в Варшаве имеет прямое отношение к чисто литературным аспектам его биографии. Здесь состоялся новый его поэтический «дебют», который и психологически, и фактически перечеркнул первый сборник, устранив на многие годы всяческие воспоминания и упоминания о нем.

Примечателен контекст, в котором состоялся этот «дебют» восемнадцатилетнего юноши. Гомолицкие оказались в Варшаве, когда в Польшу хлынуло беспрецедентное количество российских беженцев. По данным американского Красного Креста, на 1 ноября 1920 оно достигало миллиона – столько же, сколько в сумме в других странах Европы⁴⁷. Русская жизнь в столице практически полностью определялась деятельностью Бориса Савинкова и его ближайшего окружения в организованном им Народном Союзе Защиты Родины и Свободы, охватывавшем не только Польшу, но и западные области советской России. Савинков возглавил созданный в августе 1920 г. Русский Политический Комитет, который тогда воспринимался как своего рода «русское правительство» с целым рядом министерств⁴⁸. В редакцию основанной Б. В. Савинковым и Ф. И. Родичевым газеты *Свобода* вошла прибывшая в начале года в Польшу группа литераторов, состоявшая из Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философова и В. А. Злобина. Первый номер газеты вышел в субботу 17 июля 1920 года, в напряженной атмосфере ожидания исхода войны с большевиками, принимавшей за несколько недель до «чуда на Висле» отчаянный, угрожающий для Польши оборот. Круг сотрудников газеты, первоначально имевшей характер военно-информационного листка, был крайне узок, объем номера колебался от 2 до 6 страниц. Литературные материалы стали появляться лишь с начала 1921 года, после того как бежавший из Киева и присоединившийся к савинковскому лагерю А. Л. Бем напечатал 9 и 10 февраля 1921 статью «Ф. М. Достоевский и Анна Суслова (по неизданным материалам)». По его же, надо думать, инициативе была собрана вскоре литературная страница, где впервые за десять месяцев в газете были напечатаны стихи. Среди них были и два стихотворения 18-тилетнего Гомолицкого: «Поэт» и «Дитя»⁴⁹. В отличие от учебного сборника, приватным образом изготовленного в Остроге, это был подлинный выход в настоящую, «большую» – столичную – печать. Он, в свою очередь, слился с «дебютом» *Свободы* в качестве газеты литературной. О том, что стихотворения пришлись редакции по вкусу, свидетельствует то, что осенью газета поместила еще два стихотворения Гомолицкого – «Жизнь» и «Блаженство»⁵⁰, и получалось так, что по числу публикаций начинающий поэт мог оказаться чуть ли не самым частым автором литературного отдела в газете. Но наметившееся было сотрудничество не состоялось, потому что газета спустя несколько недель закрылась, после того как 8 октября 1921 года польское правительство было вынуждено, во исполнение подписанного в марте 1921 г. мирного договора с советской Россией, принять решение о высылке савинковцев из Польши⁵¹. 4 ноября появился первый номер новой газеты *За Свободу!*, и хотя редакция прокламировала следование политической линии Савинкова⁵², состав сотрудников стал иным. Изменился и характер литературного отдела. С 18 декабря в нем доминировали члены созданного Бемом в Варшаве объединения «Таверна поэтов» (В. Бранд, Олег Воинов, Александр Топольской, Всеволод Байкин и др.)⁵³, в первую половину 1922 года на

⁴⁷ «Русские в диаспоре. Два миллиона русск. беженцев», газ. *Сегодня* (Рига), 1921, 1 января, стр. 3.

⁴⁸ «Русские организации в Варшаве (Исторический очерк)», *Варшавские Отклики*, 1921, 31 декабря, стр. 2.

⁴⁹ *Свобода*, 1921, 1 мая, стр. 3; №№ 2 и 1 нашего Собрания.

⁵⁰ *Свобода*, 1921, 25 сентября, стр. 2. №№ 3 и 397 нашего Собрания.

⁵¹ *Документы и материалы по истории советско-польских отношений*. Том IV. Апрель 1921 г. – май 1926 г. (Москва: Наука, 1966), стр. 89–93.

⁵² «Без перемен», *За Свободу!*, 1921, 4 ноября, стр. 1.

⁵³ Iwona Obląkowska-Galanciak, «Из истории русской эмиграции («Таверна поэтов». Варшава 1921–1925)», *Studia Rossica III. Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia. Materiały konferencji naukowej (9-10 listopada 1995 r.)*. Pod redakcją Wiktora Skrudny i Wandy Zmarzer (Warszawa, 1996), str. 77–81.

страницах газеты появились подборки их стихотворений и отчет о их первом и единственном публичном вечере⁵⁴. Между тем сам А. Л. Бем в январе 1922 г. отправился вслед за высланными савинковцами в Прагу⁵⁵. Вскоре он возглавил там новое объединение «Скит поэтов», которое дебютировало в печати подборкой, помещенной в варшавской *За Свободу!*⁵⁶

18-летний гимназист Гомолицкий в «Таверну поэтов» не входил. Участники кружка были старше его и возрастом, и жизненным опытом. Но в одном отношении «старше» был он – по числу поэтических книжек. Поздней осенью в издательстве при книжном складе «Rossica», принадлежавшем савинковской организации, вышел новый его стихотворный сборник – *Миниатюры*. Произошло это как раз в тот драматический момент, когда савинковская группа оказалась в глубоком кризисе, вызванном изгнанием ее членов, и одну, закрывшуюся газету сменяла другая. Книга появилась в самом конце ноября – начале декабря 1921 г.⁵⁷ В ассортименте издательства она была единственным (за исключением предназначенных для школьников изданий классиков) поэтическим сборником. Другими словами, профилю издательства она совсем не соответствовала. Книга открывалась тремя стихотворениями («Дитя», «Поэт» и «Жизнь»), ранее напечатанными в газете. Четвертое из газетных – «Блаженство» – в нее включено не было. Объяснить это можно тем, что оно создано было позже остальных стихотворений, образующих сборник, и книга была сдана в типографию до того, как появилась вторая газетная публикация (25 сентября). Описывая в «процеженном» виде историю своих печатных дебютов, Гомолицкий в конце жизни вспоминал посещение с матерью книжного магазина «Rossica» и встречу там с А. Л. Бемом, служившим заведующим отделом⁵⁸: «Вход прямо с улицы, по темной лестнице и на второй этаж. Словно бы частная квартира. На стеллажах – русские газеты. За их стеной у маленького письменного столика сидел миниатюрный человек с кошачьей улыбкой в округлой бороде. Когда он встал и сделал шаг, чтобы поздороваться, – оказалось, что прихрамывает. Мать показала ему мои поэтические экзерсисы, которые он как-то легкомысленно и поспешно одобрил, и в том же году вышла в свет моя крохотная тетрадка под вполне уместным названием “Миниатюры”. <...> Крестным отцом этой моей второй преждевременной публикации, причиной которой на сей раз стала мать, был Альфред Бем, выдающийся слаvist, исследователь Пушкина и Достоевского»⁵⁹. По каким-то, нам не известным, причинам «крестный отец» книжкой запастись до своего отъезда в Прагу, по-видимому, не успел, и по его просьбе спустя пять лет автор послал ему дарственный экземпляр из Острога⁶⁰.

Степень необычности самого факта появления книжки Гомолицкого в тогдашних варшавских условиях можно оценить по свидетельству современника от мая 1921 года:

⁵⁴ Он прошел 24 февраля. См.: З. Элич <З. Журавская>, «Вечер русской лирики», *За Свободу!*, 1922, 26 февраля, стр. 2–3. Ср.: Речь В. В. Бранда на собрании в Литературном Содружестве в 1932 г. – *За Свободу!*, 1932, 2 февраля, стр. 3.

⁵⁵ Русский университетский праздник он встречал уже там и прислал о нем первую свою корреспонденцию из Праги. См.: Бем А., «“Татьянин день” в Праге» (дата: Прага, 26 января), *За Свободу!*, 1922, 7 февраля, стр. 3.

⁵⁶ В сопроводительной заметке подчеркивалась связь между обоими кружками. См.: «Из Скита Поэтов. Прага (Чехия)», *За Свободу!*, 1922, 2 июля, стр. 3. В подборке напечатаны были «Молитва о России» Сергея Рафальского и «В розовом кафэ» Николая Болесциса. См.: Л. Белошевская, «Пражское литературное содружество “Скит”», в кн.: «Скит». Прага. 1922–1940. Антология. Биография. Документы. Вступительная статья, общая редакция Л. Н. Белошевской. Составление, биографии Л. Н. Белошевской, В. П. Нечаева (Москва: Русский путь, 2006), стр. 32.

⁵⁷ См. объявления Польско-русского издательства «Rossica» (находившегося по адресу: Хмельная, 5) о имеющихся в наличии книгах, в которых впервые был названо издание: Гомолицкий. *Миниатюры. Стихи* – *За Свободу!*, 1921, 30 ноября, стр. 4 и 4 декабря, стр. 4. Там была указана установленная цена 120 марок, а на лучшей бумаге – даже 200 марок, значительно превышавшая цену других наименований (35–80 марок) в прейскуранте издательства.

⁵⁸ Ю. Н. Сухарев. *Материалы к истории русского научного Зарубежья*. Книга первая (Москва: Российский фонд культуры, 2002), стр. 45.

⁵⁹ Leon Gomolicki. *Horoskop*, стр. 70.

⁶⁰ Издательство и книжный склад «Rossica» весной 1922 года были проданы Д. В. Философовым с целью выручить средства на издание газеты *За Свободу!* См. письма Д. В. Философова от 8 апреля (ГАРФ, ф. 6756 (А. Г. Мягков), оп. 1, ед. хр. 23) и от 11 мая (ГАРФ, ф. 5831 (Б. В. Савинков), оп. 1, ед. хр. 401) 1922 года.

Польша – единственная страна в Европе, где $\frac{3}{4}$ коренного населения знает русский язык. В Польше сотнями тысяч считаются русскими эмигранты. Казалось бы, условия самые благоприятные для развития и процветания издательского дела. А в действительности, все русское печатное слово в Польше представлено двумя-тремя газетами, влачащими довольно эфемерное существование. Больше ничего нет. Русских книг меньше, чем в другой стране Европы.

Причины этого явления многообразны. Для поляков десятилетия царского режима не прошли бесследно, внушив им определенную антипатию ко всему, что носит русский отпечаток. Правда, в этом отношении наблюдается в последнее время как будто известный перелом. Охотнее начинают говорить по-русски; уже не редкость встретить на улице поляка, читающего русскую газету. Возможно, в будущем Польша и представит для русских обширный рынок. Но пока этого нет.

На сбыт среди русских эмигрантов рассчитывать тоже не очень приходится. В Польше и нет «эмигрантов» в подлинном смысле этого слова. Есть «беженцы», люди захлестнутые волной событий, бросившиеся из Советской России, куда глаза глядят, и очутившиеся в Польше только потому, что она оказалась под рукой и в нее можно было пробраться. Это элемент текучий, остающийся в Польше только до получения визы куда-нибудь дальше, а главное, совершенно необеспеченный, для которого 10 марок на газету уже непосильный расход. А русская книга заграничного издания, цена которой в Польше выражается цифрой с двумя-тремя нулями, по бюджету только состоятельному человеку.

Наконец, главное и основное препятствие – растерзанная валюта и непомерно вздутые цены на бумагу, типографию и т. д. Одно жалованье наборщика – 50.000 – 60.000 в месяц – способно убить всякое издательское начинание.

Поэтому в Польше сейчас могут выходить только книги, не рассчитанные на прибыль, напр., брошюры агитационного характера и т. д. Русским издательским комитетом в Варшаве было выпущено несколько брошюр для народа, гл. обр. классики: Пушкин, Гоголь, Кольцов и т. д. Варшавское издательство «Слово» проявило свою деятельность, выпустив небольшую книжку Павла Жакмон «Письма русского эмигранта», причем нельзя не заметить, что оно сделало для дебюта довольно странный выбор. И это пока всё⁶¹.

В тот же варшавский период Гомолицкий прорвался и еще одним путем в «большую» эмигрантскую печать. Новый берлинский журнал *Слово*, бывший органом эмигрантской литературной молодежи, в двух номерах подряд поместил стихотворения варшавского дебютанта: в декабрьском номере за 1921 год опубликовано было стихотворение «Цветы» («В садах Мории множество цветов»), а в январском за 1922 – «Молчанье» (оба стихотворения вошли в *Миниатюры*). Его выступления окружали публикации стихов К. Бальмонта, Вл. Сирина и В. Пиотровского в первом случае; А. Черного, Г. Орга, Глеба Струве и Г. Росимова (Офросимова) – во втором. Гомолицкий и Владимир Сирин (Набоков) были среди них самыми молодыми.

⁶¹ Елаич, «Письмо из Варшавы», *Русская Книга* (Берлин), 1921, № 5 (май), стр. 17.

Впоследствии 1921 год Гомолицкий объявлял датой своего вступления в литературу⁶². В отличие от эклектичности и ученической подражательности, свойственных острожскому сборнику 1918 года, в *Миниатюрах* впервые проявляется сильная поэтическая самобытность, выработавшееся стилистическое чутье и обретенное единство лирического облика. Лиризм, однако, как и прежде, стремится к «внеличности», избегая конкретности автобиографизма или каких-либо откликов на специфические события общественной или личной жизни. Сборник имеет преимущественно философско-контемплативный характер.

Яркую особенность его представляет собой необычная графическая форма стихотворений, придающая книге резкую новизну и индивидуальность, – запись текстов, выдержанных в традиционных размерах, в виде прозаических, а не стихотворных строк. Такая нехитрая, казалось бы, операция подвергала радикальному преобразованию всю стиховую ткань, по-новому организуя словесный массив. Дело в том, что при таких «сплошных», прозаических строках происходит регулярное несовпадение рифмы с границей типографской строки. Рифма «скрывается» в недрах строки, ее надо выискивать. Будучи, с точки зрения метрической структуры, концевой, она в этих текстах таковой на письме не является. Это вызывает дополнительное напряжение между графикой и метром, между ожиданием рифмы и «обманом» ожидания. При том, что, с точки зрения («прозаической») графики, рифм нет и «не должно быть», знаменательно стремление автора к их учащенному появлению. Он не боится тавтологических рифм («Домовой», напр., или «В дороге»): «прозаический» контекст затушевывает такую «тавтологичность». При этом «логический» момент в композиции текста не отменен: в то время как контраст между строкой стихотворной и строкой «прозаической записи» педализирован, – между «строфой» (рифмованным катреном) и «прозаическим» абзацем несовпадения нет, их границы четки и друг с другом совпадают.

Поворот к «квази-прозаической» записи особенно неожиданен при сравнении с недавним острожским сборником. Там отношение автора к графической стороне стихового текста было, в сущности, диаметрально противоположным. Возьмем, к примеру, стихотворение «Вальтасар». Оно характеризуется прихотливым орнаментом различной длины «отступов» стихотворных строк, не мотивированным параллельной сменой протяженности разностопных ямбических строк. Само по себе это показывает, сколь значимым для начинающего поэта был вопрос о визуальном воплощении стиховой строки. В противоположность «лесенке» (изобретенной на грани 1910-х – 1920-х годов Андреем Белым и Маяковским), которая разделяла стиховую строку на составные части, у Гомолицкого была цепь «пирамид», образованная из противопоставления целостных стихотворных строк. Теперь в *Миниатюрах* 18-летний автор отказывался от таких графических ухищрений ради полного стирания границ стиховых строк.

У этого новшества были «прецеденты». Прозаической записью пользовался Лермонтов в период отроческих версификационных экспериментов. Но он при этом работал не с рифмованным, а с «белым» стихом. В «прозаическом» виде в начале 1910-х годов печатал свои стихи Илья Эренбург. Однако можно быть уверенным, что эти публикации попасть Гомолицкому на глаза и повлиять на него не могли. Популяризована была «прозаическая запись» стихотворений в сборниках Марии Шкапской *Час вечерний* и *Mater dolorosa*, вышедших в 1921–1922 году, то есть одновременно или после *Миниатюр*⁶³. Таким образом, данный прием был выно-

⁶² См. письмо к М. Л. Кантору от 27 сентября 1934 г.: «Первые мои стихи были напечатаны в 1921 г. в берлинском журнале “Сполохи” и варшавской газете “За Свободу”, в том же году вышел первый сборник в варшавском издательстве “Rossica”». – Hoover Institution Archives, Gleb Struve Papers, box 94, folder 5. Ср.: Валентин Булгаков. *Словарь русских зарубежных писателей*. Ред. Галина Ванечкова (New York: Norman Ross, 1993), стр. 39.

⁶³ Мария Шкапская. *Час вечерний. Стихи (1913–1917)* (Петроград: Мысль, 1922); Мария Шкапская. *Mater dolorosa* (Петербург, 1921; 2-е изд.: Ревель – Берлин: Библиофил, 1922; ср. рецензию: Олег Воинов, «Mater Dolorosa», *За Свободу!*, 1922, 28 октября, стр. 2–3). Эти «прозаизированные» стихотворения основаны были не на четырехстопном ямбе (как у Гомолицкого), а на трехсложных размерах и дольнике, не имевших ореола «канонизированности». Первые стихи в такой форме у Шкапской, испытавшей сильное влияние Эренбурга, были написаны еще в 1914 г. в Тулузе, но остались тогда неопубликованными. См.:

шен самим Гомолицким, независимо от предшественников или современников. Родственный эстетическим исканиям модернистской эпохи, он найден был юным поэтом еще до того, как он познакомился с литературой русского модернизма. В период создания *Миниатюр* он находился еще в полном неведении о новаторских направлениях в русской поэзии, и даже открытие Александра Блока произошло позже, в 1922 году.

Новую манеру Гомолицкий соблюдал и после *Миниатюр* – на протяжении 1920-х годов, когда у него не было возможности (а может быть, и желания) печатать свои стихи и писал он их как бы «для себя». При этом апробированный в *Миниатюрах* «разлад» между стиховой формой речи и графическим ее представлением в виде прозы оставался для него не менее актуальным, чем в текстах, адресованных публике. Сколь существенным казалось ему несоответствие метрических разделов строк с графическими, можно оценить по следующему примеру из рукописи «Дуновения» 1928 года, целиком выдержанной в такой «квази-прозаической» форме. Это один катрен из 12-го стихотворения в цикле⁶⁴:

«Помилуй, Господи!» как громы прозвучало.
«Помилуй, Господи» ворвалось в чуткий сон.
Во тьме ночной – одной лампы жало. В
глуши ночной – над слухом вздох и стон. (№ 101 наст. изд.).

Так получилось, что при написании текста края первых двух строк на листе бумаги совпали с концами двух стихов. В третьей строке достаточно было перенести один предлог, одну букву – «В» – в четвертую, чтобы не возникало явления «переноса» и была в точности соблюдена нормальная структура строфы (катрена). Но Гомолицкий от этого отказался!⁶⁵

В этой связи следует отметить другую сторону данного приема, указывающую на более общие особенности творческого мышления автора. Прием этот означал подчинение принципа фиксированности текста принципу вариативности его. Сопоставление публикаций в газете Свобода в 1921 г. и первых стихотворений из сборника *Миниатюры* показало бы читателю различия деления на строки в одних и тех же текстах. Переписывая свои неопубликованные стихотворения 1920-х годов на разных этапах или для разных адресатов, автор варьировал и разбиение на строки. При этом большую роль в рукописях получали визуальные свойства манускрипта – каллиграфия и элементы орнамента, авторские заставки и виньетки. Манускрипт превращался в «рукописную книгу». Мы помним, как заморожен подросток был чудом типографской техники, выпуская свой первый, острожский сборник. Теперь же, в середине 1920-х годов, горячую увлеченность вызывают в нем художественные возможности использования в тексте черт воспроизводимого почерка, «буква как таковая». Гомолицкий утверждал, что увлечение графикой в детстве предшествовало у него открытию себя как поэта. В 1920-е годы собственные литературные рукописи и коллективные рукописные журналы,готавливаемые совместно со сверстниками, он украшал своими графическими заставками. Отправляя экземпляр «Дуновения» А. Л. Бему, он писал 28 марта 1928 г.: «Посылаю Вам Дуновение. Простите, что переписано карандашом – в видах экономии. Рисунки – мои. Я еще Вам не посылал своих рисунков, т. к. в замке не было где рисовать»⁶⁶. В 1938–1939 годах Гомолицкий брал уроки графики у Адама Гержабека в Городской школе декоративных искусств и живописи в Варшаве.

Мария Шкапская. *Час вечерний. Стихи* (С.-Петербург: Лимбус пресс, 2000), стр. 135, 138–139.

⁶⁴ Страница 14-я автографа, находящегося в архиве А. Л. Бема. – Literární archiv Památníku Národního písemnictví (Прага). Архив А. Л. Бема, стихотворения Л. Гомолицкого. № 18.

⁶⁵ О намеренности создания enjambementa посредством одной буквы свидетельствует и аналогичный случай в «Оде» 1936 г., когда Гомолицкий «прозаической» записью больше не пользовался: Свирелька полых водостоквпод рамы бубен громовой,и вот уж снег шуршит с востока вокно, чертя – из грома в вой.

⁶⁶ Literární archiv Památníku Národního písemnictví (Прага). Архив А. Л. Бема, стихотворения Л. Гомолицкого. № 18.

В мемуарах он признавался, что никогда, даже в период упражнений с мольбертом, цвета и краски не вызывали в нем возбуждения⁶⁷ и он всегда считал, что его призвание – графика, в особенности книжная. О себе как художнике он объявил, выполнив обложку к своей рукописной книге *Дом* (ноябрь 1933 г.). Его виньетка украсила журнал *Меч*, выходивший с мая 1934 г. На обложке книжного издания поэмы «Варшава» (1934) был помещен его силуэтный рисунок варшавского памятника Юзефу Понятовскому, а на четвертой странице обложки-конверта, рисовавшейся вручную, – его изображение монумента Коперника. Тогда же Гомолицкий оформил издания переведенных Влодзимежем Слободником «Песни про купца Калашникова», которая вышла в октябре 1934 г.⁶⁸, и «Домика в Коломне» и «Моцарта и Сальери»⁶⁹. В его же оформлении вышли и тетрадки серии «Священная Лира» (1937–1938).

На *Миниатюры* обратила внимание зарубежная пресса: в белградской газете *Новое Время* появилась сочувственная рецензия на книжку юного поэта. Сотрудник газеты с петербургских времен К. Я. Шумлевич писал:

В книжке 31 маленькая страничка. И всё же она лучше многотомных писаний иных современных поэтов. Стихи Льва Гомолицкого (период 1919–1921 г.) напечатаны в форме прозы. Это, конечно, ни к чему. Конечно, унижение паче гордости. Но поэты получили узаконенное традицией право писать стихи по особой, чрезвычайной форме – зачем же от этого права отказываться? Подобного рода эксперименты допустимы лишь в юмористических журналах. У Гомолицкого же лирика и притом неплохая. <...> Это о форме. Что касается до содержания, то, как я уже сказал, оно заслуживает внимания. В наше изломанное, фальшивое время приятно поражает простота и искренность.

Вот – «Гений»:

«Когда я болен, – ко мне слетает гений одинокий.

Насмешливый и гордый для других, он для меня единственное счастье. Мы с ним друзья, невеста и жених.

Когда вокруг вражда, за окнами ненастье, – он в сумерки склоняется ко мне и сказку говорит. Как детское мечтанье, как чары ясные, как музыка во сне, так и его звучит повествование».

Очень изящна, в манере Андерсена, нарисованная акварельная картинка: «Домовой». <...>

Заявив, что в стихотворениях «Цветы», «Старик», «Под кленами» «чувствуется дыхание Музы, которая навещала поэта», рецензент писал:

С точки зрения формы – стихи не всегда удовлетворительны. Нет филигранной отделки, нет тонкости обработки. Небрежные рифмы: «мокрый», «блеклый» и т. п. Немало неудачных выражений: «у обоих нас свои большие боли», «юный поцелуй блаженен и роскошен», «я буду ей шептать волшебные мечты»⁷⁰ и проч. Но всё можно простить за крупицу истинного дарования, а оно в стихах Гомолицкого налицо.

⁶⁷ Leon Gomolicki, «Dziki muzy», *Proza*. 2. *Ucieczka. Owoc z grynszpanem. Dzikie muzy* (Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, <1977>), str. 314.

⁶⁸ Michail Lermontow. *Pieśń o carze Iwanie, synie Wasylowym, o młodym opryczniku i śmiałym kupcu Kałasznikowie*. Przełożył Włodzimierz Słobodnik (Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff, 1934).

⁶⁹ Aleksander Puszkina. *I. Domek w Kołomnie. II. Mozart i Salieri*. Przełożył Włodzimierz Słobodnik (Warszawa: 1935).

⁷⁰ Три первых примера из стих. «Молчанье», четвертый – из стих. «Смерть».

Подождем более значительной по размерам книжки⁷¹.

Ждать новой книжки пришлось долго. На фоне заметного «дебюта» молодого поэта в варшавской и берлинской прессе в 1921 году выглядит необъяснимым его исчезновение из печати на несколько лет, совпавшее с возвращением семьи Гомолицких в Острог. Решение вернуться удалось Гомолицким, видимо, нелегко. В 1918–1920 гг. они свое пребывание в Остроге рассматривали как сугубо случайное и временное, ждали момента выбраться и не видели смысла в попытках приобщиться к тамошней среде. Поэтому Льва и не записывали в гимназию. Впрочем, и обстановка в гимназии в годы «смуты» (1918–1921), по-видимому, отпугивала родителей. В хроникальной заметке в тогдашнем гимназическом журнале, описывавшей вытеснение прежних интересов учащихся новыми – карточные игры, вечеринки, танцы, – говорилось:

События последних лет совершенно изменили не только основы всей нашей жизни, но и самую жизнь; переоценка ценностей – характерная черта переходного времени – в равной степени коснулась и учащихся. То, что не так давно стояло у нас на первом плане, отошло на последний; совершенно новые интересы, раньше едва касавшиеся учащихся, выдвинуты на первое место.

Ученика (разумеется, старших классов) времен «старого режима» интересовали прежде всего, а часто исключительно, вопросы чисто-ученические – вопросы отметок, аттестатов, трудностей предмета; ученика нынешнего, революционного времени, эти вопросы почти не касаются; когда же приходится давать отчет в своих знаниях – следуют лишь отказы от уроков. Вопросы ученические интересуют лишь учеников младших классов. У нас же на первый план выступает частная жизнь⁷².

Чем же было вызвано желание Гомолицких оставить Варшаву? Сильные антирусские, антиимперские настроения в столице, усугубленные в ходе недавней советско-польской войны, создавали атмосферу, которая выглядела неуютной для бывшего жандармского офицера. Гомолицких пугали альтернативы, перед которыми они там очутились: или эмигрантское бесправие, дразги эмигрантского общества – или превращение в поляков с отсечением своего русского прошлого. Выбор был сделан, во-первых, в пользу «русского», а во-вторых, в пользу «меньшинственной» идентичности взамен слияния с эмиграцией. Жизнь на «кресах» создавала ощущение физического контакта с «Россией», с русской землей, по которой – внутри самого города – была проведена разделявшая два государства граница. Такого ощущения органичности русского быта, «почвенного родства» не испытывали эмигранты, жившие в Париже или Берлине. Острог входил в ту громадную территорию, которая отошла к Польше по Рижскому мирному договору (март 1921 г.) и которую называли «восточные кресы». Из проживавших на ней семи миллионов населения поляки во многих районах составляли меньшинство. Великороссов, по официальным статистическим данным, было около 140 тысяч, из коих по меньшей мере две трети были не «эмигранты» или «беженцы», но коренное население, постоянно находившееся здесь и до революции⁷³. И хотя Гомолицких к нему отнести было нельзя

⁷¹ Ренэ Санс <К. Я. Шумлевич>, «Стихи нашего времени (Лев Гомолицкий. "Миниатюры". "Rossica", Варшава, 1921)», газ. *Новое Время* (Белград), 1922, № 242, 14 февраля, стр. 3. Это единственный известный нам отзыв в печати о сборнике. Не ясно, до какой степени случайным было его появление. На симпатии семьи Николая Осиповича Гомолицкого в Петербурге к нововременским кругам поэт намекал в «Совидце».

⁷² П.П., <Заметка без названия>, *Юность. Литературно-научный журнал, издаваемый при Острожской Мужской Гимназии*. Номер первый. Год издания первый. г. Острог. 14/1 Мая 1919 года. Адрес редакции: г. Острог. Мужская Гимназия. Юность (г. Острог: Тип. А. Я. Золотовского, 1919 год), стр. 20.

⁷³ М. Илов, «Русские в Польше (1919–1939 гг.)», *Новый Журнал*, 179 (1990), стр. 255. Александр Кондратьев писал из Ровно Амфитеатрову в Италию: «Живется мне, сравнительно с другими эмигрантами (я, впрочем, из родной земли не уезжал, родная земля от меня уехала), слава Богу, сносно». – Александр Кондратьев, «Письма Амфитеатровым». Публикация,

– они были пришельцами военного времени, – жизнь здесь казалась семье предпочтительнее того, с чем она столкнулась в Варшаве. Вростание в эту жизнь выразилось и в поступлении Льва в местную гимназию в 1922 году: ему оставалось закончить три старших класса.

Гомолицкий завершал гимназическое обучение, когда школьный вопрос на креслах приобрел драматическую остроту. Из-за того, что за пределами «линии Керзона» польское население было столь малочисленным, задача «ополячения» края придавала срочность шагам, направленным на искоренение системы школьного образования царского времени и замену ее новой. Русским гимназиям предлагалось перейти на польский язык обучения (сохранив русский язык лишь в качестве одного из предметов). В случае отказа они теряли статус государственной школы и лишались правительственной поддержки, а удостоверение об окончании курса обучения не давало права на поступление в вуз ни в самой Польше, ни за границей. Но Гомолицкому закончить гимназический курс вообще не удалось. С осени 1924 г. мужская русская гимназия в Остроге были закрыта и заменена польской гимназией совместного (для мальчиков и девочек) обучения. Вообще во всей Польше к концу 1923-24 учебного года из 30 русских школ, работавших в 1922-23 году, осталось лишь 19⁷⁴. Судя по роману в стихах «Совидец», в борьбу за спасение русской гимназии включился и отец поэта (в то время работавший в городском архиве)⁷⁵. В этом куске сопоставлены два взрыва, потрясшие школьную жизнь в Остроге, – взрыв настоящей гранаты, принесенной учеником в класс, в результате которого подростку оторвало палец, и «взрыв» русского быта вследствие закрытия гимназии:

ничто тоски той не взорвет:
ни взрыв взаправдашний гранаты —
находку школьник в класс несет
блаженно пряча под заплаты
пока на переменке толк
он с другом между парт недрится
вдруг гром все в класс: там: дым клубится
и палец вбитый в потолок —
ни взрыв иной – извне: теснится
из года в год здесь русский быт
бедней ущербней и грозит
судьба гимназии – закрыться
вот в округ едет комитет
родительский – отец оратор
уж реч заводит но куратор
бледнея обрывает: нет
о ручку ручку потирая
– то месть истории – сечот
ладонью воздух повторяя:
то месть истории! и вот
нет русской школы <...>

Окончить гимназию 21-летнему юноше, уже и так потерявшему несколько школьных лет, оказалось невозможно. «Скверно недоучиться. А ведь я опоздал всего год. Но кто же знал, что гимназия в Остроге закроется. Когда подумаю, что м. б. мечта об университете для меня навсе-

вступительная статья и примечания Вадима Крейда, *Новый Журнал*, 191 (1993), стр. 155 (письмо от 30 августа 1932).

⁷⁴ Д. М. Соколов, «Положение русской школы в Польше», *Современные Записки*, XVIII (1924), стр. 426.

⁷⁵ Служба отца в городском архиве мимоходом упомянута в рассказе «Наступление вечности», 1935.

гда потеряна, становится не по себе, хотя я привык ко всему», – писал Гомолицкий А. Л. Бему 15 марта 1928 г.⁷⁶ Одновременно с закрытием обеих русских школ и как бы в компенсацию этому в Остроге было создано местное отделение Русского благотворительного общества в Польше, ставившего своей целью сохранение русской культуры. Под его эгидой в городе, как и в других центрах русской диаспоры, стали ежегодно проводиться «Дни Русской Культуры». В устройстве вечеров участие принимали, наряду с другими горожанами, Аделаида Степановна Гомолицкая и мать товарища Льва по гимназии и по литературному кружку Мария Юрьева. Общество просуществовало до самой войны и было закрыто советскими властями в сентябре 1939 г.⁷⁷

Одновременно с поступлением Льва в школу в 1922 году возникло гимназическое поэтическое содружество «Четки». О составе и деятельности этого кружка учащихся до нас дошли лишь скудные и фрагментарные сведения. Он создан был по инициативе Пантелеймона Юрьева, которому суждено было стать одной из самых интересных фигур русской литературной жизни в Польше, как межвоенного, так и послевоенного периодов. В конце 1920-х годов, спустя несколько лет после окончания гимназии, он под псевдонимом Семен Витязевский завоевывал известность в качестве поэта, беллетриста, автора многочисленных статей, посвященных истории Острога и Юго-Западной Руси, и на редкость плодовитого журналиста, выступавшего в меньшинственной русской прессе в Польше. Как и Гомолицкий, Юрьев на Волыни был пришлецом; он родился в Москве в 1904 г. (по менее достоверным данным – в 1906 г.), и семья его оказалась в Остроге в годы войны⁷⁸. Родители сразу записали его в городскую гимназию, и он уже в начальных классах участвовал во всех литературно-издательских начинаниях гимназистов. Начало своей литературной работы он возводил то к 1917–1918 (подразумевая, видимо, выступление в острожском альманахе Рафальского и Гаськевича *Молодые силы*), то даже к 1912 году. Круг его литературных и интеллектуальных интересов оказался во многом очень близким Льву, и их общение в 1920-е годы во многом наложило печать на творческую биографию Гомолицкого этого периода. Помимо них содружество «Четки» включало Андрея Басюка (в том же 1922 году уехавшего во Францию и поселившегося в Лионе); писавшего по-украински Антипа Павлюка (1899–1960), впоследствии известного украинского поэта, в 1922 уехавшего в Прагу и издавшего там свои первые книги; Анатолия Дерпта, Олега Острожского, Михаила Рекало. Содружество просуществовало около пяти лет, распавшись к началу 1927 года из-за разъезда участников после окончания гимназии. Название кружка было выбрано (как вспоминал позднее П. Юрьев) в честь книги Ахматовой⁷⁹. Пятилетний юбилей общества был отмечен небольшой подборкой стихотворений его членов в газете⁸⁰, редактором которой недолгое время был Витязевский. До нас дошли лишь стихотворные выступления «Четок», хотя краткая заметка, сопровождавшая юбилейную газетную публикацию, участниками группы называла не только поэтов, но и писателей, художников и журналистов. В заметке, несомненно составленной самим основателем кружка⁸¹, также сообщалось:

⁷⁶ Это замечание дезавуирует позднейшее утверждение Гомолицкого (в мемуарах польского периода) о том, что в 1924 году он сдал выпускные экзамены в Остроге.

⁷⁷ См.: Л. І. Чикановська, «Русское благотворительное общество в Остроге в 20-х – 30-х гг. XX века», *Матеріали IV науково-краєзнавчої конференції «Остріг на порозі 900-річчя»* (Остріг, 1993), стр. 190. См. также: Семен Витязевский, «Убийцы русской души. От Львовского корреспондента “Слова”», *Слово* (Рига), № 53, 1926, 16 января, стр. 5.

⁷⁸ См. о нем: Roman Gorzelski, «Pantalejmon Jurjew (1904–1983)», *Odgłosy*, 1983, nr. 12 (19 marca), str. 9; Анатолій Хеленюк, Марія Данилюк, «Неопублікована спадщина літератора, історика і краєзнавця з Острога Пантелеймона Юрєва», *Острозький краєзнавчий збірник*. Випуск 1 (Острого, 2004), стор. 61–62.

⁷⁹ См. его некрологический очерк «Анна Ахматова» (1966) в машинописном сборнике его статей в Острожском краеведческом музее.

⁸⁰ См.: «Из содружества “Четки” (к пятилетнему юбилею 1922–1927 г.)», *Волынское Слово* (Ровно), 1927, 17 сентября 1927, стр. 3.

⁸¹ С. Витязевский-Юрьев назван руководителем «Четок» в справке, включенной в книгу: Валентин Булгаков. *Словарь*

В течение пяти лет содружеством было выпущено 47 томов своих изданий (рукописных, печатных, гектографированных).

Члены содружества раскинуты сейчас волею судеб по всему земному шару. <...>

В конце этого месяца выйдет небольшой юбилейный сборник «Четок» при участии почти всех «Четковцев»⁸².

Анонсированный сборник, однако, издан не был. Но и после распада, вплоть до 1930 года, марка «Четок» продолжала фигурировать в некоторых печатных выступлениях участников. Составив в 1930 г. большую антологию *Сборник русской поэзии в Польше*, С. Витязевский выпустил ее во Львове под маркой издательства «Четки».

Несмотря на очевидное стремление Витязевского-Юрьева придать содруеству «Четки» и его истории как можно более внушительный вид и то обстоятельство, что материальных подтверждений существования к юбилейной дате такого большого числа совместных печатных выступлений группы в нашем распоряжении не имеется, нет, однако, и оснований сомневаться в сведениях, сообщенных в заметке. Предлагая в письме к А. Л. Бему от 3 марта 1927 взвесить возможность стеклографированного издания сборника «Скита поэтов», Гомолицкий рассказывал: «У нас в Остроге в распавшемся теперь литературном содруестве Четки очень практиковались рукописные “издания” и почти ежемесячно выходил журнал нормального формата книги, около 100 стр. номер. <...> Наши запросы ограничивались рукописью, одним экземпляром, мы располагали своими ограниченными средствами – но то же можно осуществить и в иных размерах, достигнуть же можно очень больших результатов, по обложке почти неотличимости от книги».

Нельзя не признать сам по себе факт такой длительной совместной поэтической работы в глуши, в маленьком провинциальном городке, в высшей степени примечательным. Амбиции «четковцев» заставляли их сравнивать себя и с пражским «Скитом поэтов», и с варшавской «Таверной поэтов» и считать себя наравне с ними. Одним из оснований для подобных сопоставлений было именно участие Гомолицкого в кружке⁸³. Можно полагать, что в число 47 «печатных» выступлений, упомянутых в юбилейной газетной заметке о «Четках», вошли и его *Миниатюры*, и *Стихотворения* 1918 г. Он, несомненно, пользовался большим авторитетом среди товарищей по кружку. Влияние его проявилось уже в том, что некоторые участники вслед за ним обратились к облюбованной им «прозаиззированной» записи стихотворных текстов⁸⁴.

русских зарубежных писателей. Ред. Галина Ванечкова (NewYork: Norman Ross, 1993), стр. 221.

⁸² «Юбилей содружества “Четки”», *здесь же*, стр. 3.

⁸³ Набрасывая тезисы вступительного слова к вечеру «Скита» 15 мая 1930 года, Бем в раздел «Провинция» занес: «Варшава – Рига – Львов. Судьба Гомолицкого» – «Скит». *Прага. 1922–1940. Антология. Биография. Документы*, стр. 654. Под «Варшавой» здесь подразумевается газета *За Свободу!*, под Ригой – круг *Перезвонов*, под Львовом – деятельность Витязевского в *Русском Голосе* и антология *Сборник русских поэтов в Польше*.

⁸⁴ См. поэму «Круг времени» Олега Острожского, напечатанную в кн.: *Научно-литературный сборник Галицко-русской Матицы*. <Вып. 1>. Год издания LXV. Периодическое издание под редакцией В. Р. Ваврика (Львов: Типография Ставропигийского Института под управлением М. Мацана, 1930), стр. 6–8. Поэма датирована здесь: 18.XII 1922. г. Острог. Другим примером является стихотворение: Семен Витязевский, «Буря» (Иногда снится сон. Замело сторону всю снегами...), *Волынское Слово*, 1928, 27 декабря, стр. 2. Стихотворение датировано 21 декабря 1928. Под названием «Тройка» оно было напечатано в львовской газете *Русский Голос* в № 1 от 7 января за 1929 год (стр. 2). Оно включено в сборник Витязевского *Четвертое кольцо. Стихотворения* (<Львов>, Содружество «Четки», <на обл.> 1930). Хотя Витязевский в других напечатанных стихах этого периода к данной форме не обращался, в архиве сохранились два выдержанных в ней стихотворения – «Карпаты» и «Вы помните? Был вечер тонкопрядок...», рукопись которых тогда была представлена им под псевдонимом Вячеслав Надеждин в газету *Русский Голос*. См.: Гос. исторический архив Львова, ф. 783 (Редакция газеты «Русский Голос»), оп. 1. дело 6, л. 17 и 17 об. В 1960-е годы П. Юрьев вернулся к псевдониму Вячеслав Надеждин.

Второй острожский период был временем сосредоточенной внутренней работы у Гомолицкого, религиозных исканий и погружения в мистику⁸⁵. Родителям поэта эта сторона его духовной жизни была совершенно чужда. Впоследствии он говорил о их нерелигиозности⁸⁶. В своей русской автобиографии он писал:

В доме моего детства был обряд, но не религия – ощущение близкого присутствия Бога. Моя встреча с Ним была только моею встречей. Никто и ничего не стояло между нами.

Он мне явился великаном. Сидел на холме, с головой невидимой за облаками, и чертил по небу знаки – завет между Богом и человеком⁸⁷.

Поиски Бога прошли этап яростного богоборчества. Описывая в «Совидце» распадение Я на «трагический дух» и «персть», Гомолицкий рассказывает об исступленных молитвах, борьбе с демонами и с «любострастием», сходной с терзаниями Евагрия в «Добротолюбии». Он погрузился в йогу, спал на досках, доходил до крайностей аскетизма. В стихотворении, напечатанном в *Дуновении* (1932 г.), он рассказывал:

Постель казалась мне греховно нежной —
плоть вероломную я к доскам приучал,
кладя на стол свой отдых неизбежный,
и на спине, как мертвый, застывал.

В «Совидце» он говорит, что «Раджа-йога» Вивекананды впервые раскрыла ему его «сознания недра». Философские, религиозные, богоискательские интересы Гомолицкого сблизили его с другим товарищем по гимназическому кружку – Михаилом Рекало. Будучи младше на год, Михаил закончил гимназию в 1922 г. – в год поступления туда Льва. Это был первый и единственный в его жизни близкий друг. Михаил был не по возрасту образован, знал много языков, в частности классические, английский и древнееврейский. Гомолицкий находил в нем черты подлинной гениальности. Круг его духовных интересов охватывал древнеиндийскую философию (Бхагават-гита), древнееврейские мистические тексты, оккультные науки. Ему в наследство досталась огромная библиотека по религии, теософии и восточной философии, в которую они погружались вместе со Львом⁸⁸. Подробный рассказ об их отношениях («обменное мыслетечение»), которые дали чрезвычайно мощный толчок в интеллектуальном росте Гомолицкого, содержится в шестой главе «Совидца»:

но в этой ночи одичанья
герою послан странный друг:
ни с кем не схожий он мечтатель
от отрочества мудр и сед
теософический читатель
в юродстве мистик и поэт
йог – практикует пранаяму
маг – неподвижный пялит взгляд
глаза вперенные упрямо
слюдою черною блестя
он совершенств для плоти чаёт

⁸⁵ Об этом он дает отчет в своем первом письме к А. Л. Бему от 22 февраля 1926 г.

⁸⁶ Leon Gomolicki, «Dziki muzy», str. 308.

⁸⁷ «Эмигрантские писатели о себе. Л. Н. Гомолицкий», *Молва*, 1934, 6 января, стр. 3.

⁸⁸ Leon Gomolicki. *Horoskop*, str. 47.

и избавления от тьмы
язык санскритский изучает
древнееврейские псалмы
в углу ево светильник тлеет
и мирро умащон чернеет
беззубый череп и плита
с санскритской тайнописью темной:
любомудрящие места
в микрокосмическом огромный
космический надумный мир
словесный непрерывный пир —
с любомудрящими речами

Михаил Рекало принадлежал к семье, очень известной и уважаемой в Остроге. Его отец, Михаил Федорович Рекало (1861–1908), статский советник, преподавал математику и физику в городской мужской гимназии; мать Мария Григорьевна (в девичестве Кисла, 1873–1934), поборница женского образования, основала в 1906 году частное женское училище 1-го разряда (открыто в 1908 г.), значение которого ясно по тому, что в существовавшее тогда в Остроге женское училище графа Д. Н. Блудова принимались воспитанницы лишь православные и преимущественно духовного звания. Вплоть до 1917 года предпринимались усилия расширить училище Рекало и преобразовать его в правительственную женскую гимназию, но государственный статус оно получило лишь в период Украинской Народной Республики, в 1918 г. С 1922 года оно вновь стало частной русской гимназией, а в 1924 г. в ходе реформы образования было слито с мужской гимназией в гимназию имени Марии Конопницкой с совместным мужским и женским обучением на польском языке⁸⁹.

Когда Гомолицкий в 1940–1941 гг. набрасывал портрет своего «хладного друга» в романе в стихах, он ничего не знал о его участии, жив тот или нет, потеряв следы его в хаосе военных событий. Приступив к учительской работе в начальной школе Глухова Ковельского уезда в 1928 году и в 1935 году продолжив ее в селе Сыново, Михаил Рекало, когда разразилась мировая война, был мобилизован в Пултуске в 13-й пехотный полк польской армии, но, после занятия «восточных кресов» Красной армией 17 сентября 1939 г., был демобилизован и вернулся на работу в школе. После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года он поспешил домой в Острог и учительствовал во время немецкой оккупации в родном городе. По освобождении Волыни Рекало назначили 16 февраля 1944 директором острожской неполной средней школы № 2, а спустя три месяца, 15 мая 1944, мобилизовали на военную службу рядовым 183 стрелкового полка, который после разгрома Германии был направлен в Хабаровск, на Дальний Восток. М. М. Рекало находился там с 8 августа по 3 сентября 1945 г. 7 октября 1945 он был демобилизован и, вернувшись в Острог, работал в 1946–1956 гг. в средней школе № 1, а затем с 1956 до выхода на пенсию в 1971 – в Острожской средней школе-интернате, преподавая, главным образом, английский язык. В 1958 г. он закончил заочное отделение Одесского педагогического института, получив, таким образом, необходимый ему для службы диплом о высшем образовании⁹⁰.

Портрет Михаила Рекало Гомолицкий дал в своей первой автобиографической повести польского периода «Бегство», скрыв его под именем Игорь Рутитов. Там он привел стихотворение Рекало в собственном переводе, сильно утрируя «абсурдистские» черты оригинального

⁸⁹ Микола Ковальський, «Марія Рекало (1873–1934)», *Острозькі просвітишки XVI–XX ст.* (Острог, 2000) (Університет «Острозька Академія», Українське Історичне Товариство), стр. 337–344.

⁹⁰ Микола Ковальський, «Михайло Рекало (1904–1983)», *Острозькі просвітишки XVI–XX ст.*, стр. 375–379.

текста и добавив собственный комментарий по этому поводу⁹¹. Рекало писал стихи с гимназических лет по крайней мере до конца 1930-х годов, но, насколько нам известно, за пределами острожских «изданий» «Четок» никогда не выступал. О послевоенной судьбе друга Гомолицкий впервые узнал лишь в 1979 году, когда Рекало, получив его адрес через Пантелеймона Юрьева, вступил с ним в переписку. Гомолицкий тогда стал работать над новым своим автобиографическим сочинением «Гороскоп». Вспоминая прошлое, он писал Рекало: «Интеллектуальный заряд наших встреч эмоционально сохранился – по крайней мере, в моей жизни – по сей день, стал подтекстом переживаний в течение полувека, оплодотворял мои книги»⁹². Вспоминая старые стихи Рекало, Гомолицкий писал ему:

Дорогой отче! Я всегда высоко ценил твои поэтические экзерсисы. Были в них искорки гениальности, как в обломке сырой природной руды содержатся крошечные крупинки золота. Надо было только эти зернышки драгоценного металла выплавить, очистить и должным образом оправить. Сам ты сделать такого не мог, поскольку это потребовало бы определенной специализации, на которую у тебя никогда не было охоты. Р<афальский> на подобные вещи не годился, он был готов вместе с водой выплеснуть и ребенка. Отдельные твои строфы хорошо запали мне в память. Я даже пытался переводить их – без особого результата. Например:

*Склонившись над книгою старец седой
Читал про житье носорога,
А красный как рак и безносый запой
Давно уж стоял у порога.*

Вся загвоздка в твоём случае заключалась в том, что оригинальность твоих экзерсисов в общем потоке времени уже утратила актуальность. Ее открыли русские дадаисты, именовавшие себя кубо-футуристами, и таким именно способом эпатировали непосвященных читателей, причем за двадцать лет до тебя, начиная с 1908 года⁹³.

О переписке с Рекало Гомолицкий упоминает в *Гороскопе*, где он рассказывает о нем как о полиглоте, переводчике «Листьев травы» Уитмена, а по поводу полученного из Острога первого письма замечает: «Грустное это его письмо. В конечном итоге большинство человеческих усилий идет прахом»⁹⁴.

Книги из домашней библиотеки Рекало, проштудированные совместно с другом, и беседы о них явились для Гомолицкого «вратами учености». Чрезвычайно сильное впечатление на юношей произвело чтение «Космического сознания» Ричарда Мориса Бекка⁹⁵ – одного из главных трудов в оккультной литературе XX века⁹⁶. Канадский врач-психиатр, друг Уит-

⁹¹ Leon Gomolicki, «Ucieczka», *Proza*. 2 (Łódź): Wydawnictwo Łódzkie, <1977>, str. 57.

⁹² Письмо от 29 октября 1979. Muzeum Literatury im. Mickiewicza. Sygn. 1691, t. III.

⁹³ Письмо к М. Рекало от 10 мая 1980 (перевод с польского). Muzeum Literatury im. Mickiewicza. Sygn. 1691, t. III. Другие образцы стихотворений Рекало приведены в авторском примечании 15 к «Совидцу». Сергей Рафальский присоединился к встречам литературного кружка в Остроге в 1927–1928 гг., когда он вернулся туда из Праги перед отъездом в Париж. Старший брат Михаила Рекало, Федор, родившийся в 1898 г. и закончивший острожскую гимназию в 1918 году, в конце ноября 1921 г. прибыл в Чехословакию, где закончил Чешское высшее техническое училище. Ему посвящено стихотворение Рафальского «Уже года превозмогли» – см.: «Скит». *Прага. 1922–1940. Антология. Биографии. Документы*, стр. 101–102. Он посещал заседания «Скита поэтов». Реплика его на одном из первых собраний зафиксирована в протоколе. См. *там же*, стр. 694.

⁹⁴ Leon Gomolicki. *Horoskop*, str. 117.

⁹⁵ Richard Maurice Bucke. *Cosmic Consciousness: A Study in the Evolution of the Human Mind* (Philadelphia: Innes & Sons, 1905); Р. М. Бекк. *Космическое сознание* (Петроград: Новый человек, 1915).

⁹⁶ Ср. в процитированном отрывке из «Совидца» строки: «в микрокосмическом огромный космический надумный мир».

мена и автор первой его биографии, некоторые главы которой были написаны самим поэтом, издатель и комментатор его произведений и один из его душеприказчиков, Бекк в своей книге выдвинул понятие «космического сознания», доступного лишь новому роду человечества и противоположного обыденному мышлению остальных людей. Уитмен в ней как первый человек, в полной мере обладающий этим качеством, приходящий путем озарений к мистически переживаемому ощущению единства человека со вселенной, сближен был с творцами мировых религий Буддой, Магометом, Иисусом Христом⁹⁷. В книге Бекка Рекало и Гомолицкий находили ключ к постижению и толкованию «Листьев травы» – произведения, оставившего неизгладимую печать на Гомолицком на протяжении всей его жизни. Впоследствии, в послевоенный период он вводил в свои книги в переводе на польский язык особенно поразившие его куски из уитменовских стихотворений. Он утверждал, что такое вдохновение, которое испытывал от Уитмена, исходило для него только от чтения великого украинского философа XVIII в. Григория Сковороды⁹⁸.

Религиозно-мистические искания толкали Гомолицкого к изучению древнеиндийской и древнекитайской философии, к погружению в древнюю мудрость, восточные религии, в упанишад и Махабхарату, в учения Лао Тсе и еврейских каббалистов, воспринятые сквозь призму теософских сочинений. Влияние оккультных течений на русскую литературу и искусство периода модернизма, от Бальмонта, Минского, Волошина, Эллиса, Андрея Белого до Кандинского, Скрябина и Рериха, было огромным⁹⁹. Они оказали мощное воздействие и на молодых русских поэтов в Париже в 1920-е годы, в особенности на сверстника Гомолицкого Бориса Поплавского, который, встретившись в 1921 г. с Анни Безант и Кришнамурти, вошел в члены Теософического общества¹⁰⁰. Оглядываясь после смерти Поплавского на пережитый в молодости религиозный опыт, Гомолицкий писал: «Смею утверждать, что в одержимости Богом Поплавский был не одинок в своем поколении. Принадлежа к одному с ним поколению, я хорошо знаю эту одержимость и по себе и по своим сверстникам, в среде которых я рос. На нас разрешилась философическая религиозность наших отцов, вернувшихся не столько в церковь, сколько к Богу. Мы были только более последовательны, решительны. Нас окружали развалины и пустота. Все было поколеблено. И мы шли в своих исканиях, рассчитывая на свои лишь силы, не пугаясь падения и гибели. В этом была и гордыня, и дерзость, и то, что Ницше называл “сладострастием духа”. Кончиться эта бесплодная борьба могла только крушением. Так оно и случилось»¹⁰¹.

Поэтические и религиозно-философские интересы были у Гомолицкого неразрывно переплетены в середине 1920-х годов. Узнав из газетной заметки о существовании в Праге «Скита поэтов», он обратился к руководителю группы А. Л. Бему, напомнив о старом, в 1921 г., варшавском знакомстве. Истолковывая название группы как указание на религиозную направленность ее творческих устремлений, он в первом же письме своем (от 22 февраля 1926), выражая желание присоединиться к ней, представил корреспонденту своего рода отчет о духовных поисках, пройденных со времени их встреч:

⁹⁷ К. Чуковский. *Уот Уитмэн и его «Листья травы»*. Изд. 6-е, доп. (Москва-Петроград: Гос. издательство, 1923), стр. 163–164. Судя по записи в дневнике Бориса Поплавского от 6 января 1921, книгой этой был увлечен и он. См.: Борис Поплавский. *Собрание сочинений в трех томах*. Том 3. *Статьи. Дневники. Письма* (Москва: Книжница, Русский путь, Согласие, 2009), стр. 154.

⁹⁸ Leon Gomolicki. *Horoskop*, str. 51.

⁹⁹ Ср.: Maria Carlson. *«No Religion Higher than Truth»: A History of the Theosophical Movement in Russia, 1875–1922* (Princeton: Princeton University Press, 1993); Н. А. Богомолов. *Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы* (Москва: Новое Литературное Обозрение, 1999).

¹⁰⁰ См.: Елена Менегальдо, «“Частное письмо” Бориса Поплавского», в кн.: Борис Поплавский. *Неизданное. Дневники. Статьи. Стихи. Письма* (Москва: Христианское издательство, 1996), стр. 37.

¹⁰¹ Л. Гомолицкий. *Арион*, стр. 22.

С 1921 года моего творчества, о котором Вы, м. б., и помните, утекло много воды и случился со мною глубокий перелом. Я впал в мистику, потому что нельзя было не впасть, если вам показывают извне оккультные вещи. Если неожиданно в глаза сверкает *внешнее* солнце и *взрывы* сопровождаются перестройкой мирозерцания. Я был там, где для того, чтобы понять, надо «дотронуться», а после *того* вдруг узнал, что такое *вера*. Но узнал несовершенно. Сразу с уклоном в церковность. И целый год я жил в самой узкой церковности, соприкасающейся с неумолимым аскетизмом. Тогда моим руководством были: «О подражании Христу» и монах Евагрий (Добротолюбие т. I). Но я истощил себя, ибо было и рано, во-первых, и в «миру» производить над собою такие опыты было опасно. Тогда я перешел к отчаянью – «унынию». А после, осенью, со мною случилось удивительное явление, о котором я после читал и которое случалось с другими, но в более сильной степени, чем у меня. Выражается оно внезапностью прихода, светом (не дневным), озаряющим все окружающее для субъекта (даже ночью), и особым мирозерцанием, справедливо называемым некоторыми «космическим сознанием». Я переживал это несовершенно, в форме некоего экстаза, и длилось это состояние, иногда доходя до мучительного, месяца три. С тех пор я успокоился. Правда, изучал таро и Бхагават Гиту, но уже не беспокоен, как раньше, не ищу «истины» или «мудрости», и когда стали получаться малые медиумические явления (поблескивания и пр.), я бросил практику Раджа Йоги.

Об одном курьезном моменте в этой интеллектуальной траектории, сыгравшем ошутимую роль в духовных исканиях Гомолицкого и ближайшего круга его сверстников в Остроге, данное письмо умалчивает, но сведения о нем несколько раз промелькнули в позднейших автобиографических признаниях поэта. Между тем о нем существует и чисто поэтический документ – небольшая поэма «Единоборец», непосредственно раскрывающая эту стадию в эволюции мирозерцания Гомолицкого. Ее смело можно отнести к тем 47 опусам «Четок», о которых известила юбилейная заметка П. Юрьева в *Вольнском Слове*¹⁰². Поэма написана 5–7 августа 1924, вскоре после прекращения учебы в гимназии, когда автора обступила «пустота» и созданный им вместе с товарищами кружок провозгласил «религию уединизма», предназначенную синтезировать и заместить собою другие религии. «Единоборец» является единственным развернутым изложением новосозданной «религии», как ее тогда воспринимал автор, своего рода ее «манифестом». Поэма подхватывает мотив борьбы с греховными соблазнами, прозвучавший в устах «пилигрима Леонтия» в «сказовом» стихотворении, заключавшем сборник 1921 г. *Миниатюры* и датированном 1919-м годом. На фоне других стихотворений той поры оно выделяется игрой речевыми стилями, искусной имитацией церковнославянской речи персонажей. В «Единоборце» мотив борьбы с греховностью передоверен авторскому лирическому повествованию. Но и в нем ошутим налет стилизации – оно напоминает разработку тем религиозной резиньяции (М. В. Нестеров) и фольклорно-сказочных мотивов в живописи «Мира Искусства». Автор здесь наделен преувеличенно-героическими, «богатырскими» чертами, остающимися, однако, невоплощенными (и не подкрепленными фабулой поэмы). Стилизованный характер придают произведению «инфантилизация» лирического Я, нарочито наив-

¹⁰² Поэма (в нашем издании – № 17), существующая в виде «иллюминированной» рукописи, никогда не была включена автором в какое бы то ни было рукописное собрание своих произведений. Дошедший до нас экземпляр поступил в Библиотеку Стэнфордского университета в составе коллекции Глеба Струве, к которому она, надо думать, пришла из Парижа от брата-букиниста, а тот, в свою очередь, мог приобрести ее от С. М. Рафальского.

ная гиперболичность, использование «сказочных» персонажей и эпизодов (вроде «колдуньи», попытки «отравы», подмена сосуда с ядом).

Фольклорно-сказочной стилистикой предопределена трехчастная структура поэмы. В первой части протагонист, бросивший (как лермонтовский «Пророк») городскую жизнь, вступает в «страшную битву», в решающую схватку со смертельным врагом – с собственным «большим Телом», которого сопровождает его «стремянный» – «медленная Тень». По ходу действия выясняется, что в предстоящей битве «единоборцу» противостоит, в сущности, даже не один противник, а целых два – не только «Тело», но и «его стремянный» – «огромная, чудовищная Тень». Несмотря на достигающее былинного масштаба бесстрашие главного персонажа, до реального сражения дело не доходит: едва только он бросается в бой, как неведомая и невидимая сила низвергает его на землю. Во второй части он возвращен к жизни коварной колдуньей, от чар которой спастись невозможно. Так впервые на своем веку «единоборец» оказывается в объятиях женщины. Спасает его «от злых поцелуев» «ангел синеокий», отбросив «за грани жизни», тогда как волшебница-колдунья оборачивается «беззубой старухой», старой ведьмой. Внезапно явившегося из тьмы старого врага – «Тело» (не опознавшего нашего героя) «единоборец» приглашает на трапезу в ее избе, намереваясь умертвить гостя ядом. Но тот, подменив стаканы, отравляет самого героя, связывает его и бросает в темницу. Третья часть описывает допрос, и в ответах «единоборца» палачу проступает целая философия «уединизма». Кончается поэма сценой «последнего освобождения» из темницы (и от Тела). Мотив борьбы души против тела и освобождения от него, восходящий к представлениям гностиков, здесь развит у Гомолицкого впервые с такой детализацией.

Психологический опыт «уединизма» сопровождал поэта всю жизнь, но получал различное при этом освещение. В 1928–1931 гг. Гомолицкий писал «роман в стихах» «Памятник Уединизму»¹⁰³, до нас не дошедший. В рассказе «Смерть бога»¹⁰⁴, а также в романе в стихах «Совидец» «уединистический» этап духовной биографии автора подвергается амбивалентному освещению, когда суровое осуждение сливается с некоторой ностальгией и с иронической насмешкой. В «уединизме» для Гомолицкого в неразрывном единстве сплелись напряженное богоискательство и не менее напряженное богоборчество, и в ретроспективном свете то одна, то вторая сторона получали больший вес. Трудно определить степень «беллетристичности» или документальной точности «Смерти бога» – в рассказе просвечивает анализирующе-теоретический и полемический пласт. Он беспощадно развенчивает нигилистически-игровую установку членов уединистской группы. «Тогда в городе существовал кружок совсем еще зеленых юношей, к которому принадлежал и я. Какая-то всеразрушающая, нехорошая сила связывала нас. Издевались решительно над всем и добрым, и злым, но с особой радостью и удовлетворением – над добрым. Не было это ни озлоблением, ни пресыщением, потому что некогда было нам озлобиться и нечем пресытиться в те скудные, поистине аскетические, годы. Было это, наверно, печатью дряхлости уставшей и ослабевшей души человечества»¹⁰⁵. Этой группе противостоит главный герой рассказа – некий городской юродивый, полоумный сын дьякона, всеми называемый «Боженька», но отцом проклятый как «Антихрист, враг рода человеческого». Ирония граничит в повествовании с гротеском. Будучи уменьшительно-ласкательным (и одновременно пренебрежительным), имя «Боженька» внезапно трансформируется, когда в конце рассказа в извещении о его аресте впервые приводится его полное имя – Бог¹⁰⁶.

¹⁰³ См. письмо к Бему от 4 сентября 1931 г.

¹⁰⁴ Л. Гомолицкий, «Смерть бога». *Меч. Ежедневник*, 1934, № 15–16, 19 августа, стр. 14–18; № 17–18, 2 сентября, стр. 9–14.

¹⁰⁵ Л. Гомолицкий, «Смерть бога». *Меч. Ежедневник*, 1934, № 15–16, 19 августа, стр. 16–17.

¹⁰⁶ Для оценки иносказательного пласта внешне наивного, бесхитростного повествования существенно, что именем красного комиссара-убийцы Боженьки дано «Беленький», а занятием его при царе названа работа, близкая профессии отца автора: этапный комендант.

Кружок, как сообщается в рассказе, провозгласил новую религию:

Не всё здесь было только паясничанием. По рукам у нас ходили теософские книги, которые возбуждали жажду таинственного. Но ведь мы ни до чего не могли коснуться, чтобы не превратить в пародию.

Так родилось среди нас «новое учение», «современная религия» – уединизм, а чтобы упорядочить наши тайные знания и выработать канон нового учения, был созван собор уединистов, «уедсобор».

По справке, данной в «Совидце», «уедсобор» состоялся 14–20 апреля 1925 г.¹⁰⁷ Но в рассказе «Смерть бога» уединистический эпизод, как и всё действие, приурочен не к середине 1920-х гг., а к годам гражданской войны. Сделано это было для того, во-первых, чтобы «замести следы», а во-вторых, чтобы усилить драматизм повествования.

Подобно уединистам, «Боженька» также создатель своей собственной, особой религии. Но его учение несет с собой серьезное осмысление и новое утверждение вековых истин и этических ценностей, а не вышучивание, осмеивание их. В противовес «гордости всепрзрения» кружка юношей он воплощает собой смирение и всепрощение. В следовании идеалам аскетизма он идет до крайности, ютясь «в заброшенной землянке в открытом поле, всегда босой, без шапки, в одной рубашке и белых полотнянных штанах, принимающий от проходящих только хлеб и беседу о Боге». Эксцентрические черты и суждения «уединистов»¹⁰⁸ выглядят карикатурой в сопоставлении с его непритязательной подлинностью. И «юродство», и «серьезность» Боженьки оказываются безмерно глубже поведения товарищей автора.

Примечательно, что в главном герое выделены черты, роднящие его с Гомолицким: он в юности дичится людей, погружен в мир книг (к которым, впрочем, потом испытал отвращение), – тогда как в качестве самой яркой иллюстрации бесплодности и кощунственности «уединизма» взяты две стихотворные цитаты из писаний Михаила Рекало (без упоминания, однако, его имени)¹⁰⁹. Получается, что гибнущий по фабуле рассказа Боженька и автор-повествователь образуют один идеологический полюс в произведении, а остальные уединисты – другой, противоположный, при том что между обоими полюсами имеются существенные общие черты, главная из которых – представление о буддизме как первооснове религиозного отношения к жизни и убеждение в органическом родстве основных религий. Последний момент приобретает остро драматический характер к концу рассказа, когда Боженька накануне казни, в ответ на требование на допросе назвать своих сообщников-контрреволюционеров, пишет на листе их имена – «Будда, Конфуций, Магомет, Моисей и Иисус из Назарета».

У нас нет данных, чтобы сказать, существовал ли в Остроге «прототип» этого персонажа или он был просто плодом авторского вымысла¹¹⁰. Но это и не имеет значения, если согласиться, что название рассказа Гомолицкого представляет собой не просто отсылку к судьбе городского юродивого, но и употреблено в широком философско-миросозерцательном плане, как характеристика современной действительности («мир опустошенный, не принимающий чуда»). За историей Боженьки и его казни скрывается рассказ об отходе автора, в поисках Бога, от «уединистического» окружения, о разрыве с этим кругом. Символическое, в этом отношении, значение имеет и такая деталь, как приглашение блаженного на первое же заседание «уедсобора». О кружке говорится, как если бы его существование каким-то таинственным образом

¹⁰⁷ Православная пасха в том году приходилась на 19 апреля (католическая – на 12 апреля).

¹⁰⁸ «Для нас не существовало ничего святого. Религия, церковь, искусство, наука, мышление, культура – всё находило у нас только пародию, свое бесовское искажение».

¹⁰⁹ Одна из них, с присоединением трех других из его же стихотворений и опять-таки без имени автора, приведены в примечании к «Совидцу».

¹¹⁰ В повести «Бегство» схожий персонаж – живущий в божнице юродивый – является евреем. См.: Leon Gomolicki, «Ucieczka», *Proza*. 2, str. 52.

одушевлено было присутствием осмеиваемого его участниками «Боженьки». Распад кружка совпадает с гибелью главного героя.

Произведение построено на сложной сетке тонких, ненавязчивых сопоставлений и параллелей, сближений и контрастов. Она охватывает даже элементы фонетической организации текста. Так, вопрос о Будде, лежащем под платаном, получает неожиданный отзвук в паронимастической игре в следующем сразу за ним абзаце: «Помню <...> низкую кухню с окнами под *потолком*, на уровне с садом, *плиту*, заваленную *пальто*». Но, конечно, существеннее то, что в рассказе, названном «Смерть бога», речь идет о сохранении учения Боженьки после его казни, о его ученической тетради с записями мыслей, которую сам он считает «вечной книгой» и которая, по словам повествователя (одного из «отцов уединизма»), сделалась «моим тайным евангелием»¹¹¹. Вообще можно полагать, что и Боженька с его исканиями, мыслями и характеристиками, и «уединисты», и повествователь в разной степени воплощают разные грани характера и духовного облика самого автора в молодости, каким он виделся самому себе спустя десять лет, когда рассказ был создан. К «уединизму» Гомолицкий обратился тогда же в нескольких прозаических сочинениях, опубликованных в таллиннской *Нови* и Выборгском *Журнале Содружества*, которые были фрагментами задуманного, но брошенного на полпути романа. Михаил Рекало промелькнул в первоначальных вариантах поэмы «Сотом вечности» (1936), посвященной судьбе поколения, которому (в отличие от старшего и младшего) достались «высот над миром чистые скрижали». Однако при публикации поэмы в 1937 г. кусок об «уединизме» был существенно сокращен¹¹². В устраненном при публикации тексте фигурировал неологизм «совидец», данный названием большому автобиографическому роману в стихах, к которому Гомолицкий приступил в 1937–38 гг. и над которым работал во время Второй мировой войны. В этом романе, как и в «Смерти бога», резко проведен контраст между автором-повествователем (рисуемом в третьем лице и определяемом как «герой», «подвижник», который «нечистой мысли не изринет», «богослов», приближающийся к «святости») и товарищами по кружку, «богохулами», которые погрязли в «попойках мрачных» и «в грехе своем крошечном / творят веселые дела». Выясняется, что Гомолицкий и Михаил Рекало были двумя из трех основателей движения и друг друга именовали «отец»¹¹³. «Уедсобор» изображен как шутейское сборище, большой розыгрыш, молодая забава, отталкивающая не по годам серьезного «героя» (т. е. самого Гомолицкого). В отличие от «Смерти бога», в «Совидце» нет персонажа, сколь-нибудь соответствующего «Боженьке», зато мелькает портрет не известного нам третьего (помимо Гомолицкого и Рекало) «апостола уединизма», по-видимому, главного среди трех, который

открыл векам *уединизм* —
практическое становленье
богов и равных им ученье

– рыжебородого основателя движения, «отрока с гривой золотой», «златоуста», принявшего «обет сурового молчанья»¹¹⁴, и отчетливее раскрыта (хотя и в более ироническом регистре) тогдашняя «синтезирующая» религиозная позиция автора, бросающего уединизм во имя «последнего отъединенья», чтобы

в мечте *хотя бы* стать пророком

¹¹¹ Л. Гомолицкий, «Смерть бога». *Меч*. Еженедельник, 1934, № 17–18, 2 сентября, стр. 12.

¹¹² Лев Гомолицкий, «Сотом вечности», в кн.: *Священная лира* (<Варшава:> Зарубежье, <1937>), стр. 9–16.

¹¹³ Вот почему, адресуясь к М. М. Рекало в 1979 году, Гомолицкий прибег к такому странному обращению: «отче».

¹¹⁴ В повести «Бегство» ему соответствует персонаж по имени Генек.

смесив писанья всех веков —:
Да Хйо Манавадхармашаистра
Коран Абот Таотекинг¹¹⁵

Группа «Четки» еще продолжала собираться, когда Гомолицкий в феврале 1926 года обратился к Бему с просьбой о приеме в пражский «Скит поэтов». В июне 1926 г. А. Л. Бем, а за ним Болесцис уведомили Гомолицкого об удовлетворении его просьбы и принятии его в члены «Скита». Гомолицкий был единственным «членом-корреспондентом» пражского кружка. С этого момента «Прага» становится главным «собеседником» молодого поэта, посылающего туда едва ли не все свои стихотворные произведения и ждущего оттуда отклика на свои новые вещи. Некоторые из них были зачитаны на собраниях «Скита», предполагалась публикация стихотворения или стихотворений Гомолицкого в журнале *Своими Путиями*, который, однако, закрылся прежде, чем эта публикация состоялась, и несколько стихотворений намечалось включить в первый коллективный сборник «Скита», предполагавшийся к выходу весной 1927 года, но не вышедший. Указание «Скит» – иногда вкупе с «Четками» – стало сопровождать подпись Гомолицкого в его печатных выступлениях второй половины 1920-х годов. Между тем альянс этот не был по-настоящему тесным; «скитовцы» не спешили вступать с провинциалом в тесный контакт и относились к его работе без особого энтузиазма. Даже отзывы А. Л. Бема (письма которого до нас не дошли), при всем интересе его к Гомолицкому и сочувствии к его исканиям, казались поэту «щадяще»-лапидарными и недостаточно откровенными. Лучший из представителей молодой поросли «Скита» Вячеслав Лебедев в 1960-е годы вспоминал: «К старшему поколению нужно отвести еще поэта Л. Гомолицкого¹¹⁶, “иностранного” члена “Скита”, присылавшего время от времени свои стихи из Польши. Получал и читал их всегда сам А. Л. Бем, который знал автора еще по Варшаве, где жил перед приездом в Прагу. Несмотря на обычную защиту шефа “Скита”, правда не особенно энергичную, стихи Гомолицкого принимались скитниками довольно холодно: в них как-то не было ни современных чувств, ни современной жизни»¹¹⁷.

При том, что внешним толчком для обращения к Бему в феврале 1926 года о приеме в «Скит» могла быть предполагавшаяся Гомолицким близость «религиозного» толкования сущности искусства, письмо его свидетельствует о наличии у молодого поэта собственной амбициозной программы оживления и обновления версификационных возможностей, находящихся в распоряжении русской поэзии. Сообщая о работе над своей «Книгой Книг» (1921–1925), которая писалась как «дневник стихами», Гомолицкий добавлял:

Занимался я довольно много теорией стихотворчества, хотя и не могу последовательно работать над собой в этой области. Мне кажется, что русское стихотворчество находится в своем детском периоде. Содержания много, много пережито во всех областях, а средств выражения почти нет. Взять хотя бы музыкальное ударение (о нем забыли, а Крылов им пользовался, и у Лермонтова: скажи-ка, дядя, ведь недаром и т. д.) или ударяемые гласные, как у Блока: *идут, идут испуганные тучи*. Или разве исчерпаны все тонические размеры ямбическою и дактилическою строкою, да и многое, очень многое, включая силлабическую систему, почему-то считающуюся недостойной русского языка.

¹¹⁵ В «Бегстве» 1950-х гг. старый кружок также получает карикатурное освещение, но термина «уединисты» нет: он заменен названием «онтологисты». См.: Leon Gomolicki, «Ucieczka», *Proza*. 2, str. 68, 71–78.

¹¹⁶ В. М. Лебедев, выступавший на вечерах «Скита» с 1923 г., был на семь лет старше Гомолицкого.

¹¹⁷ Вячеслав Лебедев, «Воспоминания о пражском “Ските”», *«Скит»*. Прага. 1922–1940. *Антология. Биографии. Документы*, стр. 715.

Теперь я перестал писать лирику. Я случайно попал в прошлом году на особую форму стихосложения (очень подвижная, пластичная) и разрабатываю ее.

В намерениях и планах, которыми живущий в «глуши» молодой поэт делится со старшим собеседником в Праге, поражает постоянная готовность к радикальному обновлению художественного языка с наивной «мегаломанией» автодидакта, не осведомленного о новейших явлениях авангардистского движения в России или на Западе. При этом планетарный, богатырский размах получает относительно скромное (как в «Единоборце») воплощение в результатах творческих усилий, и новации оказываются далеко не такими крайними, как казалось самому творцу. Что это за «особая форма стихосложения», об открытии которой Гомолицкий извещает А. Л. Бема? Четкий ответ на это дать трудно из-за нестабильности, подвижности и противоречивости семантики, вкладываемой Гомолицким в используемые им термины. Частично проливает свет на этот вопрос следующее по времени письмо (от 7 июня), где он отвечает на критические замечания Бема по поводу «недостатков формы» в присланных тринадцати стихотворениях из «Книги книг». Объяснил он недостатки тем, что стихи свои «не писал, а пел, как птичка Божия, придавая больше значения процессу, нежели его результатам» и боялся исправлять то, что приходило по вдохновению¹¹⁸. На другой упрек – в том, что ограничил себя ямбом, – Гомолицкий ответил отправкой «приложения», «в котором вы найдете уже не ямб, но дактиль». Оно содержало два стихотворения, состоявшие на самом деле не столько из чистых дактилей, сколько из смешанных трехсложных размеров, подчас впадающих в дольник, причем записанных в той же «квази-прозаической» форме, к которой Гомолицкий обратился с 1921 года. Новшество это, в приложении к трехдольным размерам, представлено автором как целый художественный переворот, открывающий прежде неведомые перспективы: «Мне интересно услышать от Вас мнение об этом способе стихосложения. Это непрерывная строка трехсложных стоп. Предложения можно разнообразить началами их в стопах разного характера, а в середине рассыпать во всевозможных сочетаниях и со всеми промежутками внутренней рифмы. Получается гибкий, подвижный стих. Он наиболее соответствует моему нервному характеру творчества и пришел ко мне интересным образом в таинственном пророческом сне. <...> Назвал я это – ритм. Не метко. Но – “Стих о...”, а тут “Ритм о...”».

Здесь впервые Гомолицкий предлагает термин «ритм», призванный обозначить в корне отличное от традиционного «стиха» явление. Не совсем, однако, ясно по данному письму, относится ли термин «ритм» к «прозаизированной» записи как таковой, или к трехсложным размерам в такой записи, или даже только к верлибру. В завязавшейся вслед за этим дискуссии Бем предложил, чтобы Гомолицкий просто «вернулся к обычной структуре стиха»¹¹⁹: новый термин больше запутывал молодого поэта, чем вносил ясность в его намерения. Прежде, в 1921 году, когда состоялся дебют Гомолицкого в Варшаве, такая форма у Бема беспокойства, видимо, не вызвала. Почему же сейчас он призвал от нее отказаться? Помимо экстравагантности и расплывчатости термина «ритм», запутывавшего дело, можно предложить еще две причины: 1) «вольность» эта ныне казалась менее оправданной в силу большей, по сравнению с *Миниатюрами*, философичности новых произведений Гомолицкого; 2) повлиять на критика могла и пренебрежительная оценка новшества у членов «Скита», которым он показал присланные из Острога стихи.

Однако отказываться ни от новоизобретенного термина, ни от найденной в 1921 году манеры поэт не хотел. Переубедить А. Л. Бема он пытался ссылкой на то, что обсуждаемые «ритмы» были посланы «до того времени, как к ним коснулась обработка» и были написаны

¹¹⁸ «Теперь же я пробую исправлять – и ничего», – сообщает он.

¹¹⁹ См. письмо Гомолицкого к Бему от 22 сентября 1926.

еще «под свежим впечатлением стихов»¹²⁰, то есть недостаточно от них отграничены: «Теперь я знаю, что ритмы требуют рода поэзии особого и особой формы произведения. Всё это и сейчас молодо, только прощупывается мною, и я уверен, что, когда покажу Вам результаты моей дальнейшей работы, Вы измените свое мнение». Итак, проблема не в избранной манере, а в том, что еще не созданы произведения нового жанра, который бы ей соответствовал. Замечательно и то, как охарактеризовал Гомолицкий облюбованную им манеру: «Главное достоинство ритмов то, что, *ничего не отнимая от поэзии, они расширяют кругозор мысли, дают возможность внести большее разнообразие в содержание*». Другими словами, если философичность стихотворений Гомолицкого предполагала, в глазах Бема, отказ от подобных «внешних», отвлекающих внимание эффектов, то для автора переход к новой форме был обусловлен именно задачей передать неуловимые оттенки мысли. Как бы успокаивая и «скитников» (которых позднее, в *Арионе*, определял как «формистов»), и самого себя, он спешил заверить: «И ритм имеет свои строгие законы формы, как стих», заявив при этом: «Стих же для меня – увы – отпетая песнь».

Понимать это заявление следует в двух разных смыслах. Во-первых, в отличие от «пения», от волнами находившего прежде вдохновения, от «поэзии чувства» Гомолицкий целью себе поставил переход к «поэзии мысли», к созданию произведений, протекающему под контролем аналитической рассудочности, которая единственно и может вывести из кризиса: «Я потерял такт в стихе, я запутался в звучности рифмы и ухищрениях формы – я стал слишком изощренным и потому холодным. После Блока и Гумилева разве идея стиха не достигла крайнего развития и такого крайнего, что я, не подчиняясь им даже, – задыхаюсь, и вижу, что все задыхаются точно так же». Исчерпанность форм русского стиха обязывает к поискам новых средств выражения.

Между тем теоретические аргументы и экспериментальная работа шли не вполне нога в ногу друг с другом. Приложенные к письму 22 сентября 1926 – для растолкования «скитовцам», чего именно добивается Гомолицкий в новой форме, – «отрывки ритмов» уже никаких рифм не содержали. Это были «белые» стихи – или метризованная (под дактили) проза. Если прежде (7 июня) для Гомолицкого ценность новшества («ритмов») виделась в том, что рифма непредсказуемо вторгалась в сплошной словесный массив, то теперь преимущество в выражении «мысли» безоговорочно отдавалось прозе: «я оценил значение русской прозы и бесславие русской поэзии»¹²¹. И дело не только в специфике русской литературы: ведь даже «Уитмэн писал свои одухотворенные поэтические откровения – прозой, отказавшись от “сладенькой патоки рифм”».

Подступы к «ритму» Гомолицкий нащупывал, по-видимому, в нескольких опытах верлибра. Интерес к верлибру пробудился у него под воздействием уитменовских «Листьев травы». Он стал было переводить эту книгу¹²², но переводы эти до нас не дошли. Впоследствии, после войны, Гомолицкий поместил ряд стихотворений Уитмена в переводе в своих польских книгах¹²³.

Другим мощным художественным толчком явился не иноязычный, а отечественный источник – *Цветы Мории* Рериха. Эта книга, появившаяся в Берлине в том же 1921 году, когда вышли *Миниатюры* в Варшаве, представила художника не только поэтом¹²⁴, но и «учителем

¹²⁰ Письмо Гомолицкого к Бему от 22 сентября 1926.

¹²¹ В связи с этим находилось и намерение отречься от «Тонита» (то есть силлаботонического стихосложения) – см. письма от 3 марта и 11 мая 1927.

¹²² В письме от 3 марта 1927 года к Бему он писал: «Необходимо дать хороший перевод *Leaves of Grass* и ряд статей о творце Новейшего Завета, так как эта удивительная книга есть прямое продолжение Евангелия и отстает от него так же, как Евангелие отстает от Пятикнижия».

¹²³ Leon Gomolicki. *Terapia przestrzenna* (<Łódź>: Wydawnictwo Łódzkie, <1983>), str. 65–66; «Czasobranie», *Proza*. 1, str. 216–218; «Erotyk», *Proza*. 3, str. 377.

¹²⁴ Многие стихотворения из *Цветов Мории* были созданы еще до революции.

жизни», вождем религиозного движения, и оба вида духовной деятельности показались Гомолицкому тесно переплетенными. Недаром, откликаясь на появление в Риге нового журнала *Перезвоны*, он усматривал значение его в том, что издание отражает, «как подымается религиозное движение». Писатели, которые раньше не посмели бы и заикнуться об этом, теперь пишут о таких мистических явлениях, чудесах и видениях и так трогательно и бережно их показывают»¹²⁵.

Между поэтическими книгами двух «дебютантов» 1921 года – Рериха и Гомолицкого – возникала курьезная перекличка: название рериховской книги *Цветы Мории* получило загадочный отклик в названии стихотворения, вошедшего в *Миниатюры*. Правда, в *Миниатюрах* это название – «Сады Марии» – появилось с опечаткой, и правильным следует считать то, которое фигурировало в журнальной публикации, в декабрьском номере *Словох* за 1921 г. – «Сады Мории». Однако Мории были в двух случаях не совсем те же. У Рериха Мория отсылает к учителю (махатме) Елены Блаватской¹²⁶, хотя, по наблюдению Уве Беттена, здесь мог быть и библейский подтекст: Храмовая гора, с которой узревает Бога¹²⁷. У Гомолицкого такой двусмысленности нет¹²⁸, это просто реминисценция из Библии, приоткрывающая духовный план содержащегося в миниатюре пейзажа. И, разумеется, здесь не заимствование, а случайное совпадение.

Восхищение Рерихом у Гомолицкого было столь сильным, что он, как свидетельствует письмо к Бему от 3 марта 1927, пытался увлечь им и пражан¹²⁹. Усилия эти остались тщетными: ни художественные стороны поэзии Рериха, ни ее религиозно-мистическое содержание, так сильно заволакивавшее Гомолицкого, на скитовцев большого впечатления не произвели. Что касается собственных экспериментов с «ритмами» (какой именно смысл он ни вкладывал бы в этот термин), то Гомолицкий их вскоре оставил. 11 мая 1927 г. он писал Бему: «Вы были правы, Альфред Людвигович, не одобряя ритмы. И хотя я всё же думаю, что в этой области можно тоже работать, тем не менее итоги этого периода для меня оказались плачевны: я научился писать, звучать и молиться стихами». Опыты русского верлибра у Гомолицкого уцелели лишь в ретроспективном машинописном сборнике «Отроческое», составленном в начале 1940-х годов.

Но «рериховский» эпизод в период «Дуновения» сыграл важную роль в поэтическом самоопределении Гомолицкого¹³⁰. Помимо подхода к поэтическому вдохновению как религиозному переживанию, схожей у Рериха и Гомолицкого сгущенно-мистической атмосферы лирического излияния, мифологии «света», общей у обоих тенденции к «минимализму» высказывания, – внимание Гомолицкого приковывали чисто технические эффекты рериховских верлибров с их неожиданными enjambements, резко отграничивающими эти тексты от прозаической речи. Гомолицкий стремился к созданию иным способом подобного эффекта балансирования на тонкой границе между прозой и стихом – «прозаизированной» записью

¹²⁵ Письмо к А. Л. Бему от 3 августа 1926.

¹²⁶ См.: Maria Carlson. «No Religion Higher than Truth»: A History of the Theosophical Movement in Russia, 1875–1922, p. 194.

¹²⁷ Uwe Betjen. *Poetische Struktur und Ideengehalt in N. K. Rerichs «Cvety Morii»* (Wiesbaden: Harrassowitz, 1995), SS. 19–20.

¹²⁸ Напомним, что погружение Гомолицкого в теософское учение произошло после возвращения из Варшавы в Острог в 1922 г.

¹²⁹ Впоследствии он от «рериховского наваждения» освободился. Печатаемая спустя десять лет сообщение о калифорнийском альманахе *Земля Колумба*, Гомолицкий с оттенком осуждения упомянул помещение там «морализирующей риторики» Рериха. См.: <Л. Гомолицкий>, «Земля Колумба», *Меч*, 1937, 13 марта, стр. 6.

¹³⁰ В русскую литературу Рерих вводил поэтический стиль, служивший своего рода параллелью экзотической поэтике Тагора. Тагор стал идиолом Европы в 1910-х годах и тогда же прославился в России, особенно в теософских кругах. Его сборник «жертвенных песнопений» *Гитанджали* вышел в 1914 г. в Москве и Петербурге сразу в нескольких русских переводах. См.: Т. В. Воронцова, «Тагор (Тхакур) Рабиндранат (1861–1941)», *Литературная энциклопедия русского Зарубежья (1918–1940)*. Том 4. *Русское Зарубежье и всемирная литература*. Часть III. Р – Я (Москва, 2003), стр. 102–110. О чтении Тагора и даже попытках подражания свидетельствуют записи Гомолицкого в «Цветнике», посланные А. Л. Бему в конце декабря 1926.

строк, при сохранении метрических схем и насыщении текста «сверх нормы» рифмами. Разными путями, таким образом, в обоих случаях выделялось значение «enjambements» в сегментации «сплошного» словесного текста¹³¹.

Замечательной особенностью поэтических занятий Гомолицкого в 1920-е годы является то, что создавал он не отдельные лирические тексты, а целые сборники. Он мыслил целыми поэтическими книгами с продуманной внутренней композицией. Такое единство построения не было свойственно изданиям 1918 и 1921 года. При том, что поэтическая работа Гомолицкого после возвращения в Острог свелась практически к рукописной форме, большое число стихотворных текстов мигрировало из одного неопубликованного «сборника» в другой и существует в разнящихся друг от друга вариантах. В совокупности своей эти «сборники» отражают непрерывную творческую работу, протекавшую независимо от шансов на их издание в тогдашних условиях.

Первый такой сборник – под знаменательным названием «Книга Книг» (по аналогии с «Песнью песней») – задуман был в 1925 году как сводный, включающий в себя кое-что из *Миниатюр*, но в основном состоящий из созданных после Варшавы стихов. Он, можно полагать, в значительной мере совпадал с первым дошедшим до нас сборником этого периода – «Дуновением», посланным 27 декабря 1926 года А. Л. Бему. Как и «Книга Книг», «Дуновение» было для автора «дневником стихами». За месяц до отправки рукописи он писал:

Хочется мне послать Вам свое Дуновение, я уже и начал переписывать, но что-то мне трудно это дается.

Эта книга моей любви написана исключительно для «себя». Я писал потому, что мне некому было рассказывать того, что меня волновало и наполняло; я освобождался от самого себя и от копящихся во мне впечатлений. Этот самоанализ или верней самосинтез и наперсничество с самим собою – только одно всегда толкало меня писать.

¹³¹ Научный анализ природы и механизма действия «enjambements» был впервые дан в те годы – в книге Юрия Тынянова *Проблема стихотворного языка* (1924).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.